

Селена Аннен

Правила Барби

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Селина Аллен

Правила Барби

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69986878

SelfPub; 2024

Аннотация

Джефри Фостер был моей первой любовью, моей надеждой и моим маяком, но он предпочел разрушить все это, оставляя мое израненное сердце в руинах. Я вернула долг и тоже сделала ему больно, а затем сбежала. Я надеялась, что никогда больше не встречу его, но спустя пять лет, оказавшись без цента в кармане, я вынуждена вернуться в родной город. Мне предстоит столкнуться с самым настоящим кошмаром, ведь теперь моя судьба полностью в его руках. «Ты думал, что сможешь сломать меня, как одну из своих игрушек, ведь я снова оказалась в твоей власти, но, детка, теперь мы будем играть по моим правилам». Продолжение истории "Эффект Фостера". Вторая часть дилогии.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	49
Глава 5	68
Глава 6	82
Глава 7	98
Глава 8	110
Глава 9	121
Глава 10	133
Глава 11	144
Глава 12	158
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Селина Аллен

Правила Барби

Плейлист

Loren Gray – Queen

Blackbear – idfc

Jorja Smith – Don't Watch Me Cry

Eminem feat. Rihanna – The Monster

Charlie Puth – Attention

Teflon Sega – Demons on the Side of My Bed

Mae Muller – Written By A Woman

MiA – Dynasty

Zoe Wees – Ghost

Halsey – Castle

Roxen – Storm

Charlotte Lawrence – Cowboys

Kelly Clarkson – Because of You

Halsey – Without Me

Sofia Carson – Still love you

Luke Dimond – Ocean Eyes (Cover)

Conor Maynard – You Broke Me First

Evanescence – My Immortal

Paloma Faith – The Crazy Ones

Ariana Grande – God is a woman

Lewis Capaldi – Before You Go

Lewis Capaldi – Forever

Three Days Grace – Over And Over

Within Temptation – Forgiven

Sebastián Yatra, Isabela Merced – My Only One (No Hay

Nadie Más)

Zara Larsson – Carry You Home

Глава 1

Барбара

Снова и снова я вглядывалась в белый листок с печатными буквами, словно могла что-то пропустить, словно не заметила маленькую приписку или информацию, напечатанную мелким шрифтом.

Я ненавидела мелкий шрифт, от него портилось зрение.

Но нет. Все было ясно. Извещение из банка, которое гласило о том, что средства моего трастового фонда истощились.

Ноль.

Пустота.

Полная задница.

Называйте, как хотите, ничего от этого не поменяется.

Машина резко затормозила у подъездной дорожки дома, настолько резко, что я дернулась вперед, едва не влетев в спинку переднего сиденья.

– Ауч, – прошипела я, убирая извещение в сумку. – Можно поосторожнее, вы не кирпичи везете!

Нервными движениями я пригладила волосы, мечтая, чтобы водитель такси был похищен инопланетянами в ближайшие два-три дня.

– Простите, мисс, мы приехали, – виновато поглядывая на меня в зеркало заднего вида, ответил он.

– Да уже вижу, – фыркнула я и принялась рассматривать поместье из окна автомобиля.

Перед домом раскинулась огромная площадка, в центре фонтан, выглядящий так, словно его выкрали из дворца английской королевы. Этот фонтан не работал, ведь сейчас апрель. По бокам растянулись дорожки, выложенные плитами с узорчатым рисунком из натурального гранита. Большая часть площадки была отведена под зеленый газон, сейчас его нельзя было назвать зеленым, однако кое-где все же торчали молодые травинки. Вдоль стен дома и дорожек были посажены кусты роз и магнолий, которые зацветут уже через месяц. Ландшафт безвкусный, но при этом от него тошнит. Я понимала, какое рыжее недоразумение приложило к нему свою руку.

Над всей этой площадкой возвышался двухэтажный особняк.

Пафоса этого семейства хватит еще на следующие два поколения.

– Мисс?

Забавно, когда я поймала такси, была «красоткой», но как только мы подъехали к этому роскошному дому сразу стала «мисс».

– Не сможете достать из багажника вещи?

Мои изящные ботильоны из новой коллекции «Валентино» с глухим стуком ступили на каменную кладку подъездной дорожки поместья. Я вдохнула свежий, прохладный воз-

дух родного Солт-Лейк-Сити и посильнее укуталась в короткую кашемировую шубку.

В моем прошлом было много как теплых воспоминаний, так и холодных, и все они проносились передо мной словно на перемотке. После того, как в восемнадцать я покинула дом, связывалась с отцом лишь несколько раз, и те разговоры прошли ужасно. В первый он отчитал меня и орал в трубку так, что мои барабанные перепонки едва выдерживали его крик. Второй наш разговор был спокойнее, отец казалось, отошел от моего неожиданного бегства, но в конце упомянул о том, что мне следует вернуться, чтобы выполнить свой долг: выучиться на управляющую компании и выйти за мужчину высокого статуса. Поэтому я оборвала связь, а все его звонки игнорировала, сообщения удаляла, даже не читая. Он не знал где я, ведь я не сообщала ему, а мой отец не гребаное ЦРУ, чтобы найти человека в таком большом городе.

Я остановилась у входных дверей, раскачивалась на своих ботильонах, так и не решаясь постучать. Вдруг он прогонит меня, скажет возвращаться туда, откуда пришла? Такие сцены сплошь и рядом в кино. Это так страшило меня, поэтому я всеми силами тянула время. Нет, он же мой отец, я его единственная дочь, он никогда не прогонит меня, я уверена, даже если будет сильно обижен.

Поднеся руку к двери, я медленно постучала. Секунды казались мне вечностью. Руки потяжелели, и чтобы избавиться от этого скользкого чувства я спрятала их в карманы своей

шубки.

– Вы приехали рано, – послышался голос за дверью. Я узнала его сразу – старина Эрни – наш дворецкий. Помнится мне, именно он был моей последней преградой на пути к свободе, и он отпустил меня. Интересно, рассказал ли он папе об этом или сделал вид, что понятия не имеет, куда я пропала?

Переполюнявившее мою грудь волнение, сделало меня совсем невнимательной, и смысл слов Эрни я так и не уловила. Я приехала рано? Рано для чего?

Дверь распахнулась, его брови медленно поползли вверх, лицо вытянулось в удивлении. За прошедшие пять лет дворецкий сильно постарел, морщин на его лице стало больше, глаза потускнели, а седых волос значительно прибавилось.

– Впустишь или так и будешь стоять, будто фазана в кустах увидел, а ружья под рукой не нашлось? – улыбнувшись уголком губ, спросила я.

Наконец и его лицо озарила улыбка, Эрни порывисто приблизился и по-отечески обнял меня. От него пахло наглаженной одеждой и табаком. Это ненадолго подарило мне ощущение уюта.

– Барбара, как хорошо, что ты здесь. – Дворецкий медленно отстранился, и жестом пригласил меня в дом, сам же забрал мой огромный и тяжеленный чемодан с крыльца.

Я неторопливо вошла в холл, взгляд цеплялся за каждую деталь интерьера, подмечая все малейшие изменения, про-

изошедшие за то время, пока меня здесь не было. На полу раньше лежал очень дорогой светлый ковер, сейчас он исчез, пропала картина неизвестного художника, пишущего в стиле «Боттичелли», стены стали темнее. Неизменным остался пол, изогнутая лестница и хрустальная люстра, по типу тех, которые украшали комнаты в монарших дворцах девятнадцатого века. Видимо, Пейсли хватило только на двор, ведь все остальное не сильно поменялось, но это я еще не видела другие комнаты.

Отец и мачеха разбежались практически сразу после моего отъезда. Саванна – моя кухня была единственным человеком из прошлого, кто знал мое точное местоположение, но она никому не рассказывала, где я обитаю и чем занимаюсь. Она могла, конечно, проболтаться своему отцу, ведь Саванна всегда была ябедой, но это меня никогда не пугало. Мой отец и брат моей покойной мамы тире мой дядя Джон прекратили общение еще после маминой смерти и страшно презирали друг друга.

Как оказалось Мегера солгала ему насчет своей беременности, отношения между ними стали стремительно портиться и отец выставил ее. Что происходило после, я не знала.

– Где отец? – спросила я.

Так уж получилось, что я потратила все деньги трастового фонда, так и не сумев их приумножить. После отъезда не мелочилась. Дорогая съемная квартира, аренда помещения под собственный бренд в центре Манхэттена, элитная рас-

точительная жизнь и вот, я на мели. Вернуться домой стоило мне многого. Как минимум пострадала моя гордость, но другого варианта у меня попросту не было.

Я верила, что отец поймет меня. У меня ведь только-только начало получаться, я одевала богатых людей в платья своего производства, а после те блистали на важных мероприятиях. Мне не хватало совсем чуть-чуть до триумфа. И как только отец узнает об этом, он поможет мне.

– Барбара, присядь, – мягко начал Эрни.

Я зависла на секунды с приоткрытым ртом. А затем возмущенно покачала головой.

– На пол?

– Пройдем на кухню, нам нужно поговорить.

– У меня нет времени на бессмысленный треп о жизни, где он? Мы быстро решим мой вопрос, и я уеду.

Я желала взять у отца что-то вроде кредита. По моим подсчетам года мне хватит на то, чтобы реабилитироваться и превратить мой маленький бренд в большую империю.

Но Эрни после моего вопроса выглядел таким ошеломленным, что это моментально лишило меня всей уверенности.

– Ты не знаешь... Я думал, тебе сказали.

Сердце громко ухнуло в груди, настолько, что этот стук эхом отразился в моих ушах.

– О чем ты? Что он уже успел сделать, продал меня пиратам?

– Барбара, твой отец... Он умер.

Секундный шок заставил меня замолчать, слова Эрни, словно на повторе крутились в моей голове. Но в следующее мгновение ярость переполнила меня.

– Что ты сказал? – сощуриив глаза, спросила я.

– Оливер болел долгое время, неделю назад он скончался от сердечного приступа.

Я покачала головой, не в силах поверить в слова дворецкого.

Это шутка какая-то? Если это такой то тупой способ заставить меня сожалеть о пяти годах проведенных вне стен этого дома, то им мало не покажется!

– Нет, этого не может быть. Почему же мне не сообщили? – спросила я, чувствуя, как мое лицо начинает сводить судорогой, боль перешла в лоб, картинка перед моими глазами поплыла. От подступающих слез, мои веки горели огнем. Меня парализовало от шока, легкие сковало железными цепями, и я отчаянно нуждалась в глотке воздуха.

– Я пытался связаться с тобой, но твой старый номер недоступен, однако я надеялся, что адвокат твоего отца разыщет тебя, – тихо сказал Эрни, приближаясь ко мне. – Барбара, говорю же, лучше тебе присесть.

– А тебе лучше пойти на хрен!

Мой отец не может быть мертв, он же всегда был таким большим и здоровым. Он же мой отец, он не может умереть!

Я почувствовала как слезы, срываются и текут по моим

щекам. Мне хотелось закричать, но голос пропал. Тело была мелкая дрожь, я не могла контролировать его.

– Я попрошу Келли принести тебе стакан воды, – сказал Эрни.

– Не говори ерунды, этого не может быть! – закричала я.

– Сегодня в час прибудет адвокат Оливера для оглашения завещания.

– Нет. Замолчи! Я всегда верила тебе, Эрни!

Его безнадежный взгляд был почти как настоящий. Но я не верила. Отцу еще даже шестидесяти не было. Как же так вышло, что он вдруг умер?

– Мне так жаль, Барбара, я бы хотел тебе помочь, но я не знаю как.

– Ты лжешь! – зашипела я, сердито изгибая брови, а затем сорвалась с места и широкими шагами, спотыкаясь, побежала по коридору в кабинет отца.

Мои руки тряслись, все мысли спутались, и я уже не понимала, что делаю. В пять лет дорога к его кабинету казалась мне целым испытанием с чудовищами и преградами на моем пути. Я постоянно выглядывала из-за угла, проверяя, не поджидает ли меня там чудовище с острыми зубами и длинными скрюченными когтями. И когда я оказывалась у его двери, все страхи исчезали, потому что даже монстры боялись моего отца.

Показалась большая дверь из темного дуба. Я ворвалась внутрь.

Здесь пахло табаком и книгами, в центре кабинета стоял большой стол. Кожаное черное кресло было задвинуто, словно и не ждало хозяина. На столе ноутбук и две закрытые папки. Одна зеленая, другая черная. Позади стола два больших шкафа, тянущихся от пола до потолка.

Нет пепельницы и металлической коробки с сигарами. Нет кофейной чашки и ручки «Монблан». Нет Его. Иначе все это было бы на столе.

Я обхватила себя руками и опустилась на бордовый ковер перед столом.

Здесь так пусто и холодно. Это место было мертво.

Меня затопило нахлынувшими чувствами и эмоциями, я испытывала злость, ярость и безнадежность. Слезы нескончаемым потоком лились из моих глаз. Я не могла успокоиться, не могла даже думать о том, что мне нужно взять себя в руки. Я не контролировала это. Послышался громкий крик. Звонящий, душераздирающий, от которого на моих руках появились мурашки. Это я кричала.

Этого не может быть, он не мог умереть. Не мог оставить меня одну!

Почему я не вернулась раньше? Я злилась на него все то время, что была в Нью-Йорке. Я мечтала, чтобы он пожалел обо всех своих поступках, обо всех тех вещах, что скрывал от меня, о том, что предал свою единственную дочь ради чужой женщины, но я уж точно не хотела, чтобы он умер!

В следующее мгновение чьи-то сильные руки обхватили

меня и передвинули на диван. Я думала, что все это обернется огромной шуткой и тем человеком, который поднял меня, будто я ничего не весила, окажется отец. Я надеялась на это, я простила бы ему эту жестокую шутку, боже, да я все простила бы, только бы он был жив!

Я дернулась, пытаюсь высвободиться, но замерла, услышав успокаивающий шепот над ухом.

– Это я – Мейсон, не пугайся.

Я чувствовала спиной его крепкую грудь, он держал мои запястья, чтобы я не двигалась. На меня вдруг навалилась такая невероятная усталость, что я мгновенно перестала вырываться и беспомощно откинула голову на его грудь.

Он не поглаживал меня в попытках успокоить, ничего больше не говорил, он просто держал мои руки, словно опасался за мою безопасность. И я была так поглощена мыслями об отце, что о Мейсоне даже не думала. Возможно, он просто был плодом моего воображения. Да, вероятнее всего так и было. Мне требовалось время, чтобы привести мозги в порядок.

Не знаю, сколько времени просидела в объятиях иллюзорного Мейсона, но слезы на моих щеках высохли, ноги затекли, а глаза – бездушные, смотрели на черный кожаный стул, где некогда восседал отец.

– Сколько времени прошло? – спросила я.

– Около сорока минут, как я пришел, – ответил Мейсон. Значит, он не был моей иллюзией. – Ты закрылась в кабине-

те, Эрни попросил меня помочь.

Я хмыкнула, касаясь своего лица, кожу на щеках стянуло от высохших слез.

– Надо же, не помню, чтобы закрывалась.

Встав на ноги, я обернулась, смотря на то место, где раньше была дверь, сейчас она выбитая лежала на полу. Выходит, производитель лгал, когда заявлял, что даже ураган не снесет двери «Костнера».

Я судорожно вздохнула.

Ложь заставляла эту планету крутиться, ложью рады были кормить и рады были кормиться. Ложь была в том, что мы вдыхали и выдыхали. Мир был соткан из лжи. Это я усвоила еще пять лет назад, когда поняла, что каждый человек в моем окружении чертов лжец.

– Эрни слышал крики и шум, но ты не открывала, – сказал Мейсон, напоминая мне о своем присутствии.

Я огляделась, в комнате был беспорядок, устроенный мною. Кабинет был разрушен, стекла в дверцах шкафов разбиты, книги валялись на полу, некоторые из них были порваны. Я подошла к полочкам и схватила единственную уцелевшую вещь – фото моей мамы в блестящем платье. Отец всегда говорил, что любил ее, именно поэтому он хранил ее фото. Так я объяснила бы это раньше, если бы не знала, в какой грязи извалялся мой дорогой папа, когда я была ребенком.

Это не было любовью. Любимых не обманывают, любимым не изменяют. А если это все же так. Если можно лю-

бить, но при этом спать с другой, то к черту такую любовь! Она дешевле и бесполезнее тканевых обрезков, остающихся после изготовления одежды, да и тем при достаточной фантазии можно найти применение.

Ладони неприятно закололо. Я взглянула на них, замечая кровь и маленькие стекла. Мейсон оказался за моей спиной и тоже посмотрел на мои израненные руки.

– Нужно обработать порезы, – мягко сказал он.

После того, как Мейсон избавил мои ладони от стекла и полил их антисептиком, чтобы из-за возможной заразы они не отвалились вовсе, мы расположились в гостиной. Келли приготовила для меня успокаивающий чай. Я медленно потягивала его, грея травмированные руки о кружку. Было больно, но эта физическая боль, отвлекала меня от той, что была в моей груди.

Мейсон молча смотрел на меня, я больше не могла прочесть эмоции в его глазах, либо он не испытывал ничего вовсе, либо полностью закрылся от этого мира.

За эти годы Мейсон сильно изменился, возмужал, его темные волосы были волнистыми, зачесанными назад. На лице не отражалось наивности и доверчивости, не было мягкости и присущего ему спокойствия. В уголках его глаз собрались маленькие морщинки, из-за них Мейсон выглядел чуть старше своего возраста. Я не узнавала его, казалось, смотрю на совершенно другого человека. Хотя из всех людей прошлого именно лицо Мейсона я видела чуть ли не каждую неделю.

Дикий Ангел.

Так его прозвали фанаты, после того, как Мейсон поспорил во время игры с судьей и едва не ударил того битой.

Мой бывший парень сделал выбор сердца, он отучился во Флоридском университете и четыре года играл в бейсбольной команде первого дивизиона¹. Сразу после выпуска Мейсон попал в большой спорт – «Флоридские Ангелы» приняли его с распростертыми объятиями.

Лучший молодой аутфилдер².

Блестящий бэттер³.

Самый результативный новичок, которого хотели десятки бейсбольных клубов.

Дикий Фнгел.

Мейсон Фостер.

Глядя на все эти статьи в интернете я не узнавала его. Он был известен своей плохой репутацией, менял девушек практически каждую неделю, дерзил судьям и частенько влипал в неприятности.

¹ Первый дивизион – самый высокий уровень межвузовского бейсбола. Входит в Национальную ассоциацию студенческого спорта (NCAA) в Соединенных Штатах Америки.

² Аутфилдер (Outfielder) – в бейсболе позиция оборонительной команды. Аутфилдер занимает место за пределами бейсбольного квадрата при игре в обороне, а также участвует в роли отбивающего, когда команда находится в атаке. В основном составе команды на поле присутствует три аутфилдера: левый, центральный и правый.

³ Бэттер – игрок нападающей команды в бейсболе, который должен отбивать мяч, подаваемый питчером.

– Поверь, мне понятна твоя боль, – сказал он, вырывая меня из собственных раздумий. Меня потрогала звезда. Рядом со мной сидел кумир миллионов американских детишек, желаннейший приз для бейсбольных фанатов, мужчина, чей автограф на «ибей» стоил не меньше чем автограф Майка Траута⁴. Однако я совсем не испытывала благоговения. Это же просто Мейсон, для меня он никогда не будет Диким Ангелом.

– Зачем ты здесь? – глухо отозвалась я, так и не расспросив его о том, почему он сказал, будто понимает мою боль.

– Через пятнадцать минут будет оглашение завещания твоего отца.

Я сглотнула очередную волну слез.

Завещание.

У меня умер отец.

Его больше нет, как и моей мамы. Я даже на похоронах его не была.

О, нет. Он особенно активно пытался связаться со мной в последний год, не потому ли, что хотел вернуть меня домой и провести это время со мной?

Боже.

– Завещание, конечно, – заторможено ответила я. – Но при чем тут ты?

⁴ Майк Траут – Американский профессиональный бейсболист, играющий на позиции аутфилдера в клубе Главной бейсбольной лиги «Лос-Анджелес Энджелс из Анахайма».

– Сам не знаю, меня пригласил его адвокат.

За моей спиной послышались громкие тяжелые шаги, настолько они были ощутимы, что я невольно вжалась в кресло, пальцами стискивая подлокотники, на которых лежали мои руки. Это точно мужчина, высокий, около ста девяносто сантиметров ростом, с широкими плечами, сильными руками, рельефной грудью, а еще упрямством и напористостью: дерзкий и прущий напролом, словно запряженный мул. Не то, чтобы по шагам я могла определять внешность и черты характера, просто чуть выше камина, что располагался как раз напротив меня, были огромные часы со стеклянной поверхностью. Я видела его отражение в них.

В животе заискрился страх, а в груди разгоралось недовольство. Два этих чувства плескались во мне, стремясь вытеснить друг друга, но ни одному из них это так и не удалось. Раньше, когда он оказывался рядом, я морально готовилась защищаться, ведь он так любил нападать.

Я вскочила на ноги, гордо расправила плечи и окинула презрительным взглядом мужчину, что пять лет назад втерся мне в доверие, стал моим маяком, а затем просто направил мой корабль на скалы. Он разбил мое сердце, ведь использовал меня ради своей цели, ради мести. И после всего этого, чтобы окончательно вывернуть мою грудную клетку наизнанку, он посмел заикнуться о любви.

Нет. Он не любил. С любимыми так не поступают. Любимых не обманывают. Любимых не используют.

– А ты, какого черта, сюда явился? – прорычала я.

Взгляд зеленых глаз остановился на моем лице, заставляя меня на секунды растерять всю уверенность.

Боже мой. Он изменился, повзрослел, но все так же сражал наповал одним взглядом. Его брови хмуро нависли над глазами, а губы были плотно сжаты. Он смотрел на меня как на дохлую мошку, прилипшую к лобовому стеклу его автомобиля. На нем были строгие брюки, идеально обтянувшие мускулистые бедра и белая рубашка. Я никогда не видела его в такой серьезной одежде. Но, черт возьми, дьяволу любая одежда к лицу.

Ну, здравствуй, Джеффри Мэрилин Фостер.

Глава 2

Джеффри

Я проснулся раньше будильника, долго лежал в постели и не мог понять, почему с самого утра чувствую такое напряжение внутри. Возможно дело в тумане, который уже успел накрыть город, а может всему виной другое погодное явление.

– Детка, доброе утро, – промурлыкала Челси, она прижалась ко мне со спины, накрывая руками мою грудь, а затем потянулась поцеловать меня. От слова «детка» к моему горлу подступила тошнота. Но больше всего меня раздражало то, что она никак не могла уяснить одно главное правило: *я, блять, не целуюсь по утрам.*

Да и не по утрам тоже не очень-то люблю.

Я выскользнул из ее объятий и взглянул на заспанную подружку хмурым взглядом. Она села в постели, покрывало скользнуло к ее талии, оголяя маленькую, аккуратную грудь с такими же маленькими темно-розовыми ареолами и горошинами сосков. Волосы цвета воронова крыла рассыпались по ее плечам и спине. Всегда идеально прямые, даже при такой влажности воздуха, как сегодня. Пухлые губы застыли в полуулыбке, на щеке остался след от подушки.

Она не обиделась на то, что я не позволил ей обнять и поцеловать меня, знала, как сильно я не люблю всю эту херню,

которую парочки называли «нежностью».

Знала, но все равно старалась делать по-своему. Это начинало надоедать.

– Мне нужно собираться на работу, – сказал я и закрылся в ванной комнате.

Простояв под холодным душем долгие двадцать минут, мне удалось взбодриться, однако это не погасило странное чувство внутри. После душа я оделся и направился в столовую к завтраку. Челси в облегающем сером платье уже восседала за столом, словно хозяйка этого дома, однако она ею не была, у этого дома не было хозяйки, а Челси просто осталась в моей спальне после секса. Впервые. И впредь практиковать такое не стоит, мне не понравилось.

Я грузно опустился на соседний стул. На столе уже стояло по порции яичницы с беконом и различные фрукты, белая кружка была наполнена ароматным кофе.

– Ты ворочался всю ночь, что-то плохое снилось?

Готов поспорить, то, что она успела заснуть раньше, чем я выставил ее за дверь, стало для Челси чем-то вроде триумфа. Я никогда не давал ей ложных надежд, надеюсь, она не начнет верить в дерьмо, которого между нами никогда не будет.

– Все в порядке.

– Я же вижу, что ты сильно нервничаешь в последнее время.

– Не нужно пытаться лезть ко мне в голову, ты знаешь, как я это не люблю, – слишком резко ответил я, даже не ста-

раясь сдерживать внутреннее недовольство. Челси вздрогнула и поджала пухлые губы, однако в ответ ничего не сказала.

Челси знала, на что шла. Если приходишь в волчье логово, не стоит жаловаться на укусы.

– Сегодня будет оглашение завещания Оливера Эванса, – тихо сказала она, будто бы я сам не помнил.

– Ага.

– Я могу поехать с тобой.

– Мне это не требуется, езжай на работу, – безразлично бросил я. Челси только недавно получила должность помощника маркетолога в крупной компании, производящей БАДы, и очень гордилась этим.

– Но я могу выделить час...

– Не. Нужно.

Челси замерла, приоткрыв рот, плечи ее поникли, небрежным движением она откинула свои черные волосы за спину и вцепилась в кружку с кофе.

Пять лет назад я был полностью разбит. Она разбила меня. Разорвала мое сердце своими длинными ногтями, покрытыми розовым лаком. В ту нашу последнюю ночь я не спал, раздумывал над словами, которые она сказала мне в порыве ярости. Я жалел, что позволил чувствам к ней подчинить меня. Я был слаб. Однако моя смерть наступила не в тот момент, когда она все это сказала – нет. Я умер, когда, завтракая, в наш дом вломился взволнованный Эванс. Я умер, когда узнал, что она ушла. Своим триумфальным бегством

прострелила мою голову, оставляя мое тело нежизнеспособным.

Это была огромная точка, которую *Она* поставила розовой краской.

Челси появилась практически сразу, предложила мне себя в качестве утешения.

– Она недостойна тебя, она не даст того, что могу дать я, – говорила она, смело опуская руку на мою ширинку и принимаясь поглаживать ее. Челси явно переоценивала свои умственные способности, если надеялась, что я поверю, будто бы она оказалась в том старом баре за городом, где я впервые позволил себе выпить, случайно.

И я не запрещал ей виться рядом, даже делал вид, что не замечаю ее неумелых попыток манипулирования и хитрости. О чем речь? Я был знаком с королевой хитрости, пострадал от ее действий, поэтому такие дилетанты как Челси не могли воздействовать на меня. Однако я не давал ей того, о чем она мечтала, никому не давал, первое время я вообще вел себя как девственник, на что-то надеясь и непонятно чего дожидаясь. А потом я смирился. В очередной вечер, когда Челси предложила мне себя, я не отказался и взял ее сзади: грубо, быстро, совершенно не заботясь о ее хрупких чувствах. Так начались наши особые «отношения». Хотя отношениями я это не назвал бы, «взаимовыгодное партнерство» больше подходило. Она получала меня, я получал секс. Все просто.

Ну и, конечно же, какое взаимовыгодное партнерство без симпатии. Что-то влекло меня к ней, возможно, ее голос, который сочился нежностью, глаза, смотревшие на меня с полным обожанием, а может ее покорность и уступчивость. Она всегда старалась мне угодить: в разговоре, в спальне, в жизни. С ней не было проблем, она не дерзила, не перебивала, не наседала, одним словом – была удобной.

В любовь я больше не верил, ведь ее придумали мазохисты. Болезни должны лечиться, а не воспеваться и романтизироваться. А любовь определенно болезнь, если сердце после нее покрывается глубокими ранами. В моей жизни это случилось лишь раз, и не повторится больше никогда.

Я подошел к окну. На соседнем холме раскинулся особняк Эвансов. Из-за тумана его плохо было видно, но я точно знал, что он там.

На мои плечи легли руки Челси, но я отстранил их до того, как она успела сомкнуть их на моей груди. Я не любил когда меня трогают, в спальне – пожалуйста, но не тогда, когда я одет к работе. В этом не было какой-то тайны, личной боли, просто тактильность – не мое.

Лжец.

Челси улыбнулась и наклонила голову, взглядываясь в мои глаза. Мой нос защекотал свежий аромат ее парфюма: полевые цветы, пион и гвоздика. Нечто сдержанное, но в то же время с горечью. Именно так можно было описать наш союз: сдержанный и с горечью Челси, ведь я никогда не смогу ей

ответить взаимностью, никому не смогу.

– Думаешь, она появится? – робко спросила Челси.

– Она?

– Ты знаешь, о ком я. – Впервые за утро я заметил в глазах девушки столь сильное возмущение. А ведь когда-то *Она* и Челси были лучшими подругами.

– Я не знаю, появится она или нет, даже не думаю об этом. И мне уже пора, – скучающе ответил я и отправился на работу.

Лжец, лжец, лжец.

К часу я приехал в особняк Эвансов. Туман уже расступился, и яркое солнце золотистыми лучами освещало поместье. Припарковал свой «Астон Мартин» на подъездной дорожке рядом с новенькой «Мазератти» Мейсона и направился в дом, по пути набирая сообщение для мамы. Она уже месяц пропадала в Италии, наслаждаясь очередным отпуском с очередным мужчиной. Нравился ли мне образ ее жизни? Нет. Но мама редко меня слушала. Ее счастье состояло в коротких романах, желательно с женатыми мужчинами, у которых были дети. Дорис прекрасно подходило амплу охотницы, ведь ей нравился процесс «игры» с жертвой. Раньше использовали ее, а теперь использовала она.

В холле было пусто, с гостиной доносились голоса, один из

них принадлежал брату, а другой был женским. Мой взгляд выхватил светлую макушку девушки сидящей ко мне спиной в кресле. Грудную клетку сдавило с такой силой, что мне пришлось ослабить галстук.

Это была Она.

А я верил, что меня невозможно вывести из равновесия, но вот, я пытаюсь сделать вдох, увидев только лишь ее голову.

Я узнал бы эту макушку среди десятков подобных, только ее волосы блестели так, словно были ненатуральными – синтетическими, какие бывают у кукол. Через секунду разговор смолк, *Она* вскочила на ноги и обернулась, посылая мне ненавистный взгляд.

– А ты, какого черта, сюда явился?

Я застыл, изучая взглядом фигурку разгневанной девушки. На ней было вязаное платье кремового цвета, совсем короткое, едва прикрывавшее круглую задницу, на ногах странного вида ботинки на огромных каблуках. Волосы ее были чуть растрепаны, а лицо покраснело, как мне показалось, от слез.

Она почти не изменилась, все такая же, как два года назад, когда я видел ее в последний раз.

Перед глазами вдруг все расплылось, пока мозг подбирал картинку двухлетней давности.

Нью-Йорк. Манхэттен. Центральная улица.

Я около двадцати минут стоял на противоположной сто-

роне дороги и просто смотрел на золотистую вывеску магазина. Таких магазинов вдоль улицы было сотни, но меня привлек лишь один. Шум проносящихся машин, разговоры и смех людей, ничего в этот вечер не способно было отвлечь меня. Все отошло на второй план.

Большие окна в пол и яркий свет в помещении позволяли мне в мельчайших деталях рассмотреть то, что происходило внутри. Пять манекенов и ярких платьев на них. Две девушки, голос одной из которых, казалось, было слышно даже на таком расстоянии. Вторая – длинноволосая брюнетка примерно ее возраста, и парочка работников.

Через пять минут дверь магазина распахнулась и две подруги вышли на улицу. *Она* заливисто рассмеялась с очередной шутки брюнетки. Мой взгляд скользнул по ее телу: розовый плащ был огромен по сравнению с ее хрупкой фигурой, талия стянута поясом, силуэт напоминал песочные часы. Светлые волосы, ставшие гораздо короче, чем я помнил, все такие же объемные, кружились, подхватываемые ветром. Мои глаза улавливали каждую эмоцию на лице в форме сердечка. Шум города был таким громким и назойливым, но даже сквозь него лился ее смех. Впервые за долгое время моя кожа покрылась мурашками от едва сдерживаемых эмоций, а грудная клетка чуть не треснула от тепла, которое разлилось внутри.

Она в порядке. Никто не знал, даже собственный отец, где она пряталась, никто не знал, чем занимается. Но я нашел ее.

Я усмехнулся, воспоминания едва не раскололи мой череп, я испытал все: былую радость, трепет, волнение, ярость, гнев и боль. Я держал под контролем чувства все три года, но вот, увидел ее, и они вырвались на свободу. Тепло в моей груди мгновенно заледенело, место, что когда-то было моим сердцем, покрылось инеем.

– Джеф, – позвал водитель. Далтон – молодой парень двадцати пяти лет только недавно был нанят мной в качестве охранника тире водителя, но уже хорошо сработался со своим прямым начальником. – Может, стоит подойти?

Вопрос водителя вызвал на моих губах болезненную улыбку. Третий день я наблюдал за ней, наплевав на обязанности, третий день надеялся увидеть то, что заставило бы меня подойти, но причин потревожить ее так и не нашлось.

Неужели ненависть к ней так сильна?

А может я просто боялся услышать то, что на протяжении трех лет прокручивал в своей голове перед сном?

– Не стоит, – ответил я. – Сегодня мы возвращаемся в Солт-Лейк-Сити.

– Ты оглох? Зачем ты приехал, тебя не звали! – прорычала Барбара, вырывая меня из воспоминаний. Она приблизилась, остановилась в метре от меня и сложила руки на груди, раздувая свои маленькие ноздри от ярости. Легкие моментально наполнил сладкий запах вишневых карамелек. Я сжал зубы до боли в деснах.

– Вообще-то звали, – холодно процедил я. Какой бы без-

обидной и милой она не казалась внешне, эта девушка могла быть настоящим монстром, торнадо, что не оставлял ни одного домишки в чертовом городке. И мне никак нельзя забывать об этом.

– Что-то я не вижу здесь желающих лицезреть твою физиономию. Так что катись из моего дома, Фостер.

– Эрни, проверь, пожалуйста, плиту, кажется, чайник закипел, этот противный свист кого угодно сведет с ума, – сказал я, обходя ее и занимая место на диване.

Барбара обернулась ко мне, ее брови взмыли в удивлении, а губы приоткрылись, образуя букву «о».

– Извини?

– Извинения приняты, – отозвался я, раскидывая ноги в стороны.

Она задохнулась от возмущения, светлые локоны двигались в такт ее неодобрительных покачиваний головы. На губах была розовая помада, которая привлекала все мое внимание. У нее явно была истерика, но она успела накрасить губы, Барбара неизменна.

Желание коснуться ее губ еще никогда не овладевало мной с такой силой. Нет, я не хотел ее целовать, я хотел запачкать весь ее рот этой гребаной помадой. Идеальная Эванс нуждалась в том, чтобы побыть немного грязной.

– Поверить не могу! Пять лет прошло, а ты как был ублюдком, так им и остался! – вспыхнула она.

Злость черной лавой накрывала меня с головой. Эта де-

вушка пожар, землетрясение магнитудой двенадцать единиц, опустошительное и разрушительное.

– Тем не менее, тебе не помешало это давиться моим членом, пока Мейсон за дверью признавался тебе в любви, – сузив глаза, отозвался я.

Звонящая тишина, растянувшаяся в гостиной, разбавлялась только ее тяжелым дыханием. Мейсон вскинул брови, глядя куда-то перед собой. Виноватый взгляд Барбары обратился к его лицу. Ее щеки побагровели, и я не мог понять причины этого. Смущена она или зла, а может все вместе? В любом случае мои слова возымели эффект, и она наконец замолкла.

Ублюдок – так она меня назвала. Что ж, Барби, ты никогда не следила за языком и любила разбрасываться громкими словами. Я покажу тебе, каково это чувствовать себя ничтожеством и изгоем. И тогда ты узнаешь, на что способен настоящий ублюдок.

Глава 3

Барбара

Я пристально следила за стрелками часов на стене в гостиной, только бы не видеть некоторых лиц в этой комнате. Закинув ногу на ногу, я сидела все в том же кресле напротив камина. На левой стороне дивана, что была ближе ко мне, сидел Мейсон – натянутый как струна, мрачный, словно туча и с отстраненным взглядом, а все из-за слов его старшего брата.

Мне не терпелось облить Фостера бензином и поднести к его заднице спичку. Как он только может говорить подобное с таким спокойствием и жестоким хладнокровием? Я не собиралась извиняться перед Мейсоном за прошлое, но точно не хотела напоминать ему о не самом легком времени для нас всех.

Я скосила глаза вбок. На другом конце дивана, вальяжно и раскованно, как будто у себя дома, сидел Джеффри. Его небрежная поза и периодические, абсолютно неприемлемые постукивания ступни о пол, только напоминали мне о том, что какой бы костюм он на себя не напялил, какие бы дорогие кожаные туфли не нацепил, неандертальца из него не изгнать. Это его вторая ипостась. Наглый, бестактный, недалекий и при этом не понимает, почему его так не любят.

У столика, что находился около окна, расположился адво-

кат моего покойного отца. Он что-то тихо нашептывал себе под нос, а может даже, напевал, я все пыталась вслушаться в это, но безрезультатно. Гребаный стук, словно тонкие иглы проникал в мой мозг, причиняя мне нестерпимую боль.

– Хватит стучать! – буркнула я, зажмуривая глаза и прикладывая два пальца к переносице. Джеффри раздражал меня так сильно, что моя голова едва не дымилась, а из горла не вырывалось пламя, что было бы очень кстати. Я уже упоминала, как сильно желаю поджарить его зад?

Стук прекратился.

Аллилуйя!

И что же он делает здесь? На оглашении завещания обычно присутствуют те, кто указан в самом завещании. Я могу допустить, что папа решил оставить что-то памятное Мейсону, ведь младшего сына Дэниела Фостера отец любил как своего собственного сына, если бы тот у него был. Но с Джефом это не сработало бы. Отец терпеть его не мог, он не завещал бы ему и гальку, разбросанную вокруг нашего участка. Не могли же они стать друзьями, пока меня не было?

Я растеряно оглядела людей, сидящих в моей гостиной. Кое-кого не хватало. И почему я не спросила раньше.

– Мейсон, а где ваш папа?

После моего вопроса Мейсон вздрогнул всем телом, будто испугался. Карие, почти черные глаза обратились ко мне. Друг детства улыбнулся какой-то грустной улыбкой. Сидящий рядом с ним Джеф тоже напрягся, однако на меня он

так и не взглянул, будто Барбары Эванс для него не существовало.

– Он умер три года назад – несчастный случай, – ответил Мейсон.

Мое горло свело судорогой.

Что за черт?

Это какой-то параллельный мир, где близкие мне люди умирают один за другим?

– Нет, это обычный мир, в котором за пять лет может произойти все, что угодно, – фыркнул старший Фостер. И только тогда я поняла, что сказала это вслух.

Взгляд Джефри на несколько секунд задержался на моих глазах. Каменное выражение его лица заставило меня покрыться мурашками. Напряжение между нами стало совсем ощутимым, настолько, что легко могло задавить Мейсона между нами. У меня возникло такое предположение – совершенно глупое, конечно, будто во всем этом Фостер-старший винит меня.

– Мы можем начать? – Голос адвоката позволил мне ненадолго отвлечься от мыслей о Фостере и сосредоточиться на завещании.

Вот я и осталась последней из Эвансов. Братьев и сестер у отца никогда не было, родители его – мои бабушка и дедушка давно мертвы, остаюсь только я, единственная дочь, единственный человек, в чьих жилах течет отцовская кровь.

Я проглотила комок нервов, засевший где-то у меня под

подбородком, выпрямила спину и устремила взгляд на мужчину, который в считанные секунды сделает меня одной из самых богатых девушек в Солт-Лейк-Сити.

– Простите-простите, я опоздала! – Сначала мне показалось, что я сплю, потом я поняла, что просто начала терять сознание от приторного медово-ежевичного запаха духов женщины, ворвавшейся в этот дом подобно морскому шторму.

Ее кашемировый тренч голубого цвета и черные брюки, мало того, что не сочетались, так еще и были из позапрошлой коллекции «Дольче». Рыжие волосы похожи на инсталляцию салюта, что запускают в День благодарения, ведь никто в здравом уме не позволил бы так поиздеваться над волосами. Собственно о здравии ума этой женщины еще следовало поразмышлять, на мой взгляд, ума там не было никогда.

Бесконечные соковые диеты окончательно состарили ее. Она была наглядным примером того, как не нужно худеть. Даже филлеры и подтяжки лица ее не спасали. Пейсли Джина Ферейра Вергара-третья – моя мачеха и женщина, которую я совсем не ожидала сегодня встретить.

– Что ты здесь забыла? – поднявшись с кресла, грозно спросила я.

Пейсли улыбнулась, ее лоб и веки остались при этом неподвижными – жуткое зрелище. Эффект «Зловещей долины»⁵

⁵ Эффект зловещей долины (Uncanny valley) – психологический феномен, ко-

в действии.

– У меня к тебе тот же вопрос, – ответила она.

– Я его дочь.

– Я его жена.

– Вы не были женаты, – напомнила я. Присутствие Пейсли вызывало у меня недоумение. – Он бросил тебя, ведь ты солгала о своей беременности.

Она пропустила слова о беременности мимо ушей.

– Я его гражданская жена, это такой же брак, – гордо заявила она. Отшатываясь от нее, словно мачеха ударила меня хлыстом, я упала в кресло. Разочарование переполняло меня. Как это рыжее недоразумение смеет называть отношения с отцом настоящим браком? Настоящий брак у отца был только с моей матерью, ни с кем другим! Погодите, если она здесь, значит, он оставил ей что-то в наследство?

Краем глаза я заметила, как уголок рта Джеффри пополз вверх, словно ему было до ужаса смешно в этот момент. Я послала ему гневный взгляд, мечтая сделать Фостеру трепанацию без анестезии, но он даже не повернулся в мою сторону.

Пассивно-агрессивный Джеффри снова в деле.

Я не собиралась тратить энергию ни на кого из присутствующих, гордо вздернула подбородок и властно обхватила

торый за последние несколько лет обрел особую популярность, проявляется в неприязни людей к антропоморфным искусственным объектам выглядящим или действующим как человек.

руками подлокотники кресла. Пейсли заняла свободное место между Фостерами. Еще бы. Она просто обожала молодняк. Жаль сама выглядела в лучшем случае как их мама.

Терпение, Барбара, скоро ты свалишь подальше от этого цирка с миллионами в карманах своих брендовых джинсов. Все это останется в прошлом, а ты займешься строительством своей модной империи. Аминь.

Адвокат отца прокашлялся и с важным видом водрузил на переносицу очки, вроде тех, что были у Гарри Поттера.

– Меня зовут Гаррет Хант, я друг и адвокат покойного. Я зачитаю завещание Оливера Эванса, – начал он. – Пейсли Джина Ферейра Вергара-третья... – Беспорядочным вихрем в моей голове закружили мысли. Что он мог оставить этой ведьме? – Оливер оставил вам тридцать долларов, которые, цитирую: «Я забыл отдать тебе за парковку, а ты проела мне мозг с этими большими деньгами, поэтому, получай их назад».

– Что? И это все? Я спала со стариком ради тридцати долларов? – взревела она. – Вернее, я любила его, как он мог так со мной поступить?

– Карма – сучка, не так ли? – Ухмыльнувшись, я подмигнула своей мачехе.

Та пришла в ярость и бросилась на меня. Если бы не Мейсон, то мисс Вергара-третья с легкостью расцарапала бы мое лицо вышедшим из моды корявым френчем.

– Пейсли, я думаю, тебе стоит уйти, – сказал ей Мейсон, и

я была ему сердечно благодарна за это, потому что сама я не смогла бы выставить мачеху. Мои сто шестьдесят сантиметров роста против ее ста семидесяти обречены на поражение.

Пейсли метала разъяренный взгляд от одного человека к другому и, в конце концов, зарывав что-то нецензурное, сорвалась и побежала к выходу.

На секунды в гостиной повисло молчание. Кроме меня, пожалуй, не выглядел ошеломленным только Джеффри. Его искренне веселила эта ситуация. Облокотившись на подлокотник, большим пальцем он поддерживал подбородок, а указательным постукивал по щеке, его поза по прежнему была небрежно-раскованной, он широко расставил ноги, и я не могла не обратить внимания на его мускулистые бедра, обтянутые тканью классического костюма.

Черт подери, за прошедшие пять лет, казалось, он только прибавил в мышечной массе. Я помню, каково ощущать эти сильные бедра, вонзающиеся между моих ног. Многие части его тела были большими.

И мне не стоит думать об этом.

Гаррет нервно поправил рукав своего пиджака.

– Продолжим. – Он уставился на лист бумаги в его руках. – Согласно завещанию Барбара Амелия Эванс получает в полное правовое владение фамильный дом Эвансов, располагающийся в Солт-Лейк-Сити, личную коллекцию ретро-автомобилей мистера Эванса, виллу во Флоренции, все сбережения усопшего и пакет акций компании «Эванс-Фо-

стер Энергетик». – Как только адвокат отца озвучил это, я едва не подпрыгнула на месте. Я знала, что он любил меня, он никогда не оставил бы единственную дочь ни с чем. – «В качестве обязательного условия для исполнения завещания, моя дочь – Барбара Амелия Эванс должна вступить в законный брак с одним из наследников Дэниела Фостера».

Застыв с открытым ртом, я смотрела на адвоката.

Что он, черт возьми, только что сказал?

Еще до моего отъезда, отец подбирал для меня мужчин, чтобы в будущем я вышла хоть за кого-нибудь из них по расчету. Стоит ли говорить, как сильно меня оскорбляло это? Даже когда я бежала из города, он не оставлял попыток выдать меня замуж за какого-нибудь мужчину побогаче, именно поэтому я не желала иметь с ним дел. Но сейчас я просто не могла поверить, что в своем стремлении, он зашел так далеко.

– Это все? – Равнодушный голос Фостера-старшего заставил меня поежиться.

– Еще кое-что. Барбара должна вступить в законный брак с наследником Фостера в течение полугода после оглашения завещания и состоять в этом браке не менее года. В случае неисполнения хотя бы одного пункта завещания, все активы мистера Эванса выставляются на аукцион, а средства после уплаты долгов и налогов отправляются в благотворительный фонд.

– Я должна выйти замуж? – в третий раз за последнюю

минуту спросила я.

– Мисс Эванс, если вы желаете получить наследство, то вам нужно выйти за одного из сыновей Дэниела Фостера.

– Если я откажусь, то потеряю все?

– Да, – словно приговор прозвучал голос адвоката.

Я получу свое наследство не раньше, чем через год, и только если свяжу себя узами брака с одним из Фостеров.

Я в полном дерьме.

– Дьявол! – зарычала я, вскакивая на ноги. В моих глазах резко потемнело, картинка смазалась, и я вдруг почувствовала, будто меня посадили в капсулу с черными стенами, в которой к тому же кончается воздух. Пульс стучал где-то в районе моих висков, и я не слышала ничего, кроме белого шума в своей голове. Ну как, как он мог так поступить со мной? – О боже, кажется, я сейчас умру, мои ноги отказывают, они отнимаются! – кричала я, оседая обратно в кресло.

Через секунду заметила, что Джеффри закатил глаза так сильно, что, казалось, он увидит свой череп изнутри.

– Вопрос: почему меня пригласили на оглашение завещания? – спросил придурак-старший.

– Потому что вы Фостер, – чинно ответил адвокат.

– К сожалению. Это все?

– Да.

Джефф взглянул на свои наручные часы и, поднявшись с дивана, выпрямился во весь рост.

– Отлично, у меня встреча через час.

Фостер направился к выходу и почти покинул гостиную, но я вдруг вспомнила об одной маленькой детали.

– Стойте! Это не все. Я не услышала главного: одна доля в энергетической компании принадлежит мне, – начала я, тут же запинаясь. Она не принадлежит мне. – Вернее, она перейдет мне сразу после того, как я оспорю это абсурдное завещание. Но доля Фостеров?

Мейсон профессиональный бейсболист, он не занимается компанией, Джеффри его отец ни за что не оставил бы компанию. Кто же тогда совладелец компании?

– Доля Фостеров в «Эванс-Фостер Энергетик» принадлежит мне, – обернувшись, выдал дьявольское отродье – Фостер-старший.

Кровь отлила от моего лица. Что произошло за эти пять лет?

– Шутишь?

– Я похож на циркового клоуна?

– О, нет, это было бы комплиментом для тебя. Ты похож скорее на тупого осла, который скачет по кругу арены не в силах найти выход за кулисы. Как тебе это удалось? – надвигаясь на него, спросила я.

Их доля, их семья, их дела совсем не касались меня, но я была просто вне себя от ярости, что Джеффри каким-то способом заполучил семейное предприятие. Он достоин был лучшего в этой жизни, например, драить туалеты в придорожном кафе за городом, но никак не владеть пакетом акций

компании.

Джефри сжал губы до побеления и сунул руки в карманы брюк, взирая на меня с высоты своего роста. Надменный и чертовски заносчивый. Он был таким высоким, и только за это мне хотелось спустить с него шкуру.

– Что именно? Я хорош в стольких вещах. Но тебе ли не знать об этом?

– Видимо, не настолько хорош, раз я не помню ни одной такой вещи, – отозвалась я. – Так как компания оказалась у тебя?

– Отец завещал ее мне.

– Это просто хрень собачья! – выкрикнула я. – Он бы ни за что не оставил ее тебе, он должен был оставить ее Мейсону, ведь именно он его любимый сын, – выдала я, наблюдая за тем, как темнеют зеленые радужки Фостера.

Он все-таки получил свою заветную компанию. Джефри добился того, о чем мечтал, и это не могло не расстраивать меня.

– Удачи, Барбара. И, да. *Карма все-таки сучка*, – бросил напоследок Фостер-старший. Я мгновенно пришла в ярость, схватила стеклянную вазу со столика и зашвырнула ее в убудка. Она приземлилась совсем близко к нему, разлетелась на осколки, но он даже не дернулся, остановился, взглянул на меня через плечо и сказал:

– Если мне не изменяет память, это была любимая ваза твоей мамы.

Черт! А он прав.

Когда его фигура скрылась за порогом гостиной, а я, наконец, смогла дышать, не обжигая резкими вдохами легкие, то обернулась к другому брату, к которому не мечтала обратиться поздней ночью в комнату и придушить того ортопедической подушкой.

– Мейсон, мне нужна твоя помощь.

Бывший парень подошел ближе и окинул меня скептическим взглядом.

– Чем я могу помочь?

Я взяла паузу для того, чтобы собраться с мыслями. Это будет просто. Раньше Мейсон бегал за мной, словно потерявшийся щенок.

– Женись на мне! – с уверенной улыбкой на губах попросила я.

Что-то подсказывает мне, что Мейсон все еще влюблен в меня, ведь за колким холодом его глаз, я могла разглядеть тусклую вспышку света. Этот свет я уже видела. Пять лет назад. Мейсон не откажет мне, не посмеет. Это великий дар стать мужем такой девушки как я. Готова поспорить, он мечтал об этом не один год. Поэтому прямо сейчас он ответит:

– Нет. – Он и секунды не раздумывал.

Моя улыбка таяла.

Все понятно. Хочет, чтобы я умоляла его и отыгрывается на мне за прошлое. Если так, то я готова прикинуться слабой, чтобы получить желаемое.

– Давай же, мне нужна твоя помощь!

Непоколебимый вид, прямой взгляд и побелевшие от раздражения губы ответили:

– Нет.

– Почему? – приуныв, спросила я.

Есть еще один вариант – мои женские чары.

Отбросив волосы за спину, я коснулась плеча Мейсона и, прикусив губу, заглянула в глаза бывшего парня. Никто не устоит перед обаянием Барбары Эванс, а тем более парень, что был влюблен в нее с детства.

Хмурый взгляд карих глаз прошелся по моей руке, а затем Мейсон сбросил мою ладонь со своего плеча. Лицо его изменилось, стало холодным, словно его оскорбила моя просьба.

– Ты спрашиваешь так, будто не рассчитываешь, что тебе откажут.

– Да, я не думала, что ты так поступишь со мной.

– Я тоже не думал. – Его голос прозвучал так жестко, что я невольно обхватила себя руками.

– Послушай, то, что было в прошлом, остается в прошлом, пять лет прошло, Мейсон, неужели ты не поможешь мне? Ведь помимо отношений между нами была большая дружба. Я же с пеленок тебя знаю.

– Барбара, ты просишь многого.

– Почему это так сложно для тебя? – Не в силах справиться с колючим ощущением отверженности, прикрикнула я.

– Потому что это не мое дело!

Мои глаза бесцельно бродили по его лицу. Удивлению не было предела. Не его дело? Его совсем не волнует то, что я могу остаться на улице?

– Мейсон...

Не говоря ни слова, он развернулся и направился к выходу. Я побежала за ним. Кажется, только что жизнь поменяла нас ролями. Маленькой брошенной собачкой была я.

– Постой! Давай поговорим. Я уверена, мы сможем решить это.

– Нет.

– Но я потеряю все без твоей помощи, неужели тебе не жалко меня?

Мейсон невесело усмехнулся.

Я сжала в руке ткань своего шерстяного платья, пытаюсь справиться с тревожностью. Мой единственный шанс на наследство просто ускользал.

– У меня свои проблемы, у тебя свои, будь это мне по силам, я бы помог, но ты просишь многого. Свадьба по расчету не входит в мои планы. Я здесь ненадолго, скоро вернусь во Флориду, сезон ведь начнется.

– А как насчет...? – Я хотела предложить ему приличную сумму после получения наследства, но он сам понял, что именно я хочу ему предложить, и ответил раньше.

– Нет.

Мейсон не нуждался в деньгах, его контракт исчислялся миллионами долларов.

– И даже...

– И даже ради тебя, Барбара.

Черт! Оставался Фостер-старший. Но даже если меня переедет скоростной экспресс, я не приползу к нему, не стану унижаться перед антихристом.

– Послушай, может у вас есть третий брат, ну не знаю, еще одна тайна семьи, потерянный наследник, кто угодно?

– Насколько я знаю, нет, – пожал плечами Мейсон.

– Сестра?

Фостер тяжело вздохнул и покачал головой.

– Боже, можешь ты хоть чем-то помочь мне? – закричала я.

Мейсон даже бровью не повел.

– Ты наступила в дерьмо, – сказал он.

– Метафорически?

– Нет, буквально.

Я взглянула на свои ботильоны и грязные следы, которые они оставляли на белом ковре.

Фу. Мерзость!

– На этот раз, Барбара, тебе придется выпутываться самой.

– Все, проваливай. Просто исчезни! – не в силах смириться с отказом, завопила я. Отчаяние захлестнуло меня, а в такие моменты я не могла держать свои эмоции под контролем.

– Пять лет прошло, а ты все та же маленькая капризная девочка, – сказал он. Эти слова не были оскорблением, он

будто был разочарован во мне.

– Вон из моего дома! – громче закричала я.

Кивнув мне на прощание, он покинул особняк Эвансов.

Я опустилась в кресло и принялась обдумывать дальнейший план действий. Шевеление у окна напомнило мне, что в гостиной я не одна. Адвокат отца все еще был здесь.

– Мисс Эванс...

– Ну что еще?

– С момента оглашения завещания, вы не можете пользоваться всем завещанным имуществом, пока не вступите в права.

– И что это значит?

– С этого дня, все кто работал в поместье, освобождаются от своих обязанностей, я выплачу им все полагающиеся средства, Оливер предусмотрел это. А вам... – заикнулся адвокат, оттягивая время перед тем, как сбросить на меня бомбу, – вам придется покинуть этот дом.

Глава 4

Барбара

– Мисс, желаете что-то еще? – раздался приятный голос официантки над ухом.

Желаю ли я что-то еще?

– Забрать то, что принадлежит мне, не подкладываясь ни под одного из сыновей покойного друга моего покойного отца, – устало пробубнила я, заглядывая в расширившиеся от удивления и недоумения глаза официантки. – Но, к сожалению, эту проблему так просто не решить, поэтому можно мне еще чашечку кофе? – Я закончила свой вопрос вымученной улыбкой.

Кафе находилось в самом центре Солт-Лейк-Сити. Небольшое двухэтажное здание, выкрашенное в светло-розовый, напоминало пряничный домик, аромат внутри витал под стать: сладкий, пряный и очень соблазнительный. Когда-то мы любили с подругами проводить здесь время.

Могла ли я все еще называть их подругами?

После моего фееричного побега Отэм не оставляла попыток связаться со мной, я написала ей, что у меня все хорошо и больше не отвечала, а после сменила номер. Почему-то я испытывала стыд и огромное чувство вины за всю ту драму, что произошла со мной. Кроме того первые месяцы я упивалась жалостью к себе, и в моей жизни не было места для

людей из прошлого. А вот Челси даже не пыталась со мной связаться, будто мы были не более чем знакомыми. Я предполагала, что это случится, ведь отношения между мной и Челси стали меняться еще раньше.

В обед, когда я только пришла в кафе, людей было куда больше, сейчас же, по прошествии четырех часов, посетителей было крайне мало. Остаться в Солт-Лейк-Сити было невыносимо. Все, на что бы я ни положила взгляда, напоминало мне о моментах счастья моего прошлого, когда отец еще был жив. А после я вспоминала о реальности.

Я смотрела в окно, едва сдерживая слезы. Погода сегодня решила сбросить на меня тридцать три несчастья. Утром был туман, затем солнце, сейчас небо затянули грозовые тучи, скоро начнется дождь. Время близилось к вечеру, без того хмурое небо начинало темнеть.

– Пожалуйста. – Официантка поставила на стол передо мной кофе, а старую – пустую чашку забрала. Я поблагодарила девушку и поспешно вытерла рукавом своего шерстяного платья щеки от слез.

Нет! Я не могу просто рассиживаться здесь и глотать слезы. Все они, должно быть, с ума посходили, если думают, что я так просто оставлю это завещание. В моей голове уже стал формироваться план «А», а после него план «Б», ну и наконец, если план «Б» не сработает, то план «В», а дальше мне нечего терять, поэтому надеюсь, до плана «Г» не дойдет. Кто знает, что решит судья, если оба наследника Фостера вдруг

пропадут без вести? Выходит, что главное условие завещания станет невыполнимо, а это в вою очередь лишит его силы.

Шучу, конечно, я не убила бы человека, но никто не отменял несчастных случаев.

И пока я буду приводить все эти планы в исполнение, мне нужно где-то остаться. Тратить свои последние деньги на отель было бы очень глупым решением.

Ох, надеюсь это не то, чего ждал от меня отец. Он всегда хотел, чтобы я не была так расточительна, и это имело смысл, однако по-прежнему не объясняло то, зачем он составил это ужасное завещание. Как замужество с одним из Фостеров поможет мне стать экономнее?

Ладно, сейчас мне нужно думать не об этом, а о том, где переночевать. Все мои родственники по линии мамы: мой дядя и кузины проживали в Сакраменто, что в Калифорнии, однако к ним я ни за что не сунусь. Брат моей мамы всегда имел соревновательный дух, соревновался он даже со своими родственниками, он растил Саванну – свою дочь в строгой католической вере, она даже посещала школу для благородных юных дам. А все для того, чтобы Саванна утерла нос всем своим друзьям, недругам и даже кузенам. Поэтому я никогда не обращусь к ним, иначе пострадает моя гордость: чем меньше они знают, тем лучше.

Еще я могла бы позвонить своей подруге Джоанне и попросить финансовой помощи у нее, но я не стану делать это-

го. Во-первых, сейчас она слишком занята своими новыми и очень странными отношениями с одним плейбоем, а во-вторых, это было бы лишь временной мерой, ведь потом я все равно останусь без денег, да еще и подруге буду должна.

Мне нужно выкручиваться самой, чем я и займусь в ближайшие дни. А пока мне следует найти себе убежище. И я уже знала одно такое место. Место, где жила душа моей мамы, где жила и моя душа. Конюшню не упомянули в завещании, а значит, она все еще моя.

Настигнувший город холодный ливень превратил дорогу в грязевую кашу. Таксист высадил меня в ста метрах от конюшни, поэтому добираться пришлось пешком.

Я неуклюже перелезла через деревянный забор и побежала к строению. Каблучки моих ботильонов все время утопали в грязи, а сильный дождь барабанил по моей макушке, которую я тщетно прикрывала рукой. Я продрогла до костей, вывихнула ногу и, кажется, испортила свою кашемировую шубку.

Блеск!

Двери были закрыты, но, впрочем, иного я и не ожидала.

Отставив свой чемодан, который, как и моя обувь был заляпан грязью, я отошла на шаг и внимательно оглядела конюшню, раздумывая как бы проникнуть внутрь. Я так силь-

но увлеклась разглядыванием строения, что не сразу поняла, что наступила в лошадиное дерьмо.

Ботильоны придется точно выкинуть.

Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

Я громко застонала. Ветер усиливался, а я дрожала как последний лист на дереве. Мои зубы стучали, а волосы уже превратились в нечто напоминающее птичье гнездо.

Давай. Ты справишься, Барбара.

Ставни окон закрыты, как и входные двери. Вариантов не было.

Я разбежалась и впечаталась плечом в боковую дверь, через которую обычно заходил персонал конюшни. Меня откинуло назад, и я упала задницей в огромную лужу грязи, и тот самый лошадиный помет, в который наступила ранее.

Почему конюх не убрал это?

– Чертова дверь! Как же больно! – зашипела я, прижимая грязную ладонь к плечу, которое, ушибленное, начало пульсировать. Эта сила, когда я ударилась о деревянную дверь, сотрясла все мое тело, мои кости. Меня захлестнуло болью и отчаянием. Глаза стали наполняться слезами.

Я тоскливо взглянула в сторону холма, где был мой дом. Но не увидела ничего из-за толстой стены дождя. Неуклюже я поднялась на ноги. В груди завертелась сильнейшая ярость на дверь, на погоду, на чертовых Фостеров и главным образом на отца, который посмел умереть. Я с громким воплем разбежалась и впечаталась большим плечом в дверь. Замок

сорвался, дверь распахнулась, а я, пролетев через дверной проем, упала в конюшне. За спиной раздался грохот, небо окрасила молния. Неуклюже я развернулась, села на задницу и взглянула на улицу. Подо мной растекалась огромная лужа из воды и грязи, я была испачкана лошадиным дерьмом, но я была в конюшне, и дождь больше не бил меня по голове.

– Получилось! – радостно воскликнула я и откинулась спиной на пол. Это только первый шаг на пути к цели, но каждый из этих шагов важен для меня. Из маленьких шагов складывается большая дорога.

Я медленно поднялась, зажимая пульсирующее плечо. Не вывихнула, но синяк точно будет. Забрала с улицы свой чемодан и закрыла дверь в конюшню. Руки помнили, где находится маленький щиток с переключателями. Я включила свет и огляделась. Ничего не изменилось с того момента, как я последний раз была здесь.

Все те же деревянные денники⁶ с коваными вставками и каркасами, за денниками просторный амуничник⁷, в центре лестница на второй этаж, а там маленькая комнатка с диваном, на котором я и буду спать. Все было чистым, пахло сеном, кормом, деревом и лошадьми. Так и должно быть, легкий ненавязчивый запах лошадиной кожи мне нравился с

⁶ Денник – отдельное просторное стойло для крупного домашнего скота (чаще – для верховых лошадей в конюшне).

⁷ Амуничник – помещение для хранения амуниции для занятий верховой ездой.

детства. Не считая кучи навоза снаружи, за конюшной ухаживали, не допускали загрязнения. Даже в болезни отец не забыл о них.

Послышалось ржание, а затем недовольное пыхтение.

Самая своенравная дама в этой конюшне.

Я подошла к первому деннику, как и пять лет назад ко мне потянулась рыжая мордочка, ноздри лошади затрепетали. Я вытерла руку о последний сухой краешек моего платья и осторожно коснулась лошадиного носа. Она скинула мою руку, попыталась укусить, но я повторила наш приветственный ритуал: коснулась носа, погладила, приговаривая, какая она красавица и умница.

– Бог ты мой, Герцогиня, ты растолстела, – с ужасом заметила я. По конюшне разлилось недовольное ржание. Герцогиня давно была на лошадиной пенсии, однако это не значило, что ее следовало откармливать, словно индейку ко Дню благодарения.

Она признала меня, вспомнила и наконец позволила мне погладить ее и даже не протестовала, когда я принялась трогать ее маленькие ушки.

– Хорошая девочка, – сказала я, медленно отстраняясь.

В следующих денниках я обнаружила других моих старых знакомых: Тофи, Дэш и Рибэл. Все мои лошади были на месте, как и лошади Фостеров, однако я заметила и новых обитателей. С ними я решила пообщаться позже и направилась к амуничнику, но замерла у последнего денника. Грозное пых-

тение обозначило коня раньше, чем я смогла увидеть его. Черная короткая шерсть отливала синевой под искусственным освещением конюшни. Его ноздри трепетали, он постукивал копытом, будто собирался броситься на меня. Но денник не позволит ему этого сделать.

– Ты ведь конь, а не бык, – усмехнулась я. Как и раньше совершенно неуправляем и вздорен. – Все еще злишься на меня за то поглаживание твоей важной морды, Рейдж?

В голове невольно возникли картинки из прошлого. Тот самый день, когда Джеффри пытался впервые погарцевать с Черной Яростью. Полуобнаженный и пыльный Фостер, я была так зла на него в тот день, ведь он притащил на выходные двух девушек, а потом развлекался с ними в домашнем кинозале. Уже тогда мне стоило насторожиться, но видимо Эффект Фостера оказывал на меня влияние. Интересно, он по-прежнему продолжает собирать вокруг себя оргии? А может, остепенился, и у него есть постоянная девушка? В любом случае это неважно и совсем не волнует меня.

В конюшне есть водопровод, мне нужно умыться и привести себя в порядок. Лягу на диванчике для персонала, а завтра отправлюсь к адвокату отца и поговорю с ним еще раз. Быть может, если я надавлю на жалость, он отыщет лазейку, или даже потеряет завещание. Такое ведь возможно?

Я зашла в амуничник, ведь мне было очень любопытно, изменилось ли там что-нибудь. Полки были заполнены всевозможным снаряжением, начиная от седел и заканчи-

вая бандажами. Удивило меня то, что я обнаружила полку с единственным значком, на котором было написано «Барбара». Это была моя полка, и аккуратной стопкой там лежала моя одежда: бриджи, свитера и даже носки для занятия верховой ездой, рядом стояли ботинки и моя любимая резинка для волос. Отец сохранил это, одежда была постиранной, она будто дожидалась меня.

От осознания того, что меня здесь ждали, мое сердце начало кровоточить.

– Стой, иначе пристрелю, – раздался холодный мужской голос. Страх прокатился по моему позвоночнику, я нервно сглотнула и медленно обернулась. Первое, что я заметила – пистолет, направленный прямо на меня, а следом большого мужчину в черной куртке. Из моего горла вырвался писк.

Ох, черт!

Не думала, что меня пристрелят прямо сегодня, вернее я вообще об этом не думала. Я же столько всего не сделала! Не создала платье мечты, не построила модную империю, не увидела Дженнифер Энистон в приталенном черно-оранжевом костюме моего производства.

Я медленно подняла руки, как бы говоря, что я не опасна, что я просто хотела переночевать в своей конюшне, и осторожно попятилась назад. О боже, кто это такой и почему он тычет в меня пистолетом? Я не готова умирать. Я ведь вся в грязной одежде! Что увидит полиция, когда явится сюда? Грязную бродяжку?

– Кто такая? – грубо спросил мужчина, так бесцеремонно прерывая поток моих мыслей. Хотя с «мужчиной» я погорячилась. Мне удалось рассмотреть его лучше. Это был юный парень, которому еще и тридцати не было, ведь его лицо выглядело так молодо: ни одной морщинки, высокие скулы, тонкие бледные губы, на лице короткая щетина, черные волосы слегка выющиеся спадали на его лоб. Он не сводил с меня внимательного взгляда, словно ястреб, наблюдающий за жертвой.

Не могу же я ему сказать свое настоящее имя? Он не похож на обычного воришку, одет слишком хорошо, на руках кожаные перчатки, а значит он профессионал по выбиванию мозгов из блондинистых черепных коробок. Я уверена, что он знает моего отца, а значит, почти богатая наследница играет не последнюю роль в этой истории, ну или все это мимо, и меня сейчас пристрелят ради того, чтобы унести несколько седел из натуральной кожи.

– Эрин Сва... Сваровски. Не могли бы вы не тыкать в меня своей большой штукой, мистер?

Громила вскинул брови, явно оценив двусмысленность брошенных слов, но направленную на меня пушку не спрятал.

– Я не это имела в виду. Не могли бы вы убрать пистолет?

– Сваровски? – с подозрением переспросил он, придирчиво оглядывая мое лицо. На секунду в моей голове промелькнула мысль, будто он узнал меня, но я сразу отмела ее, ведь

я совершенно точно запомнила бы парня вроде него. Мы не встречались с ним раньше.

– Она самая. Я работаю конюхом... Здесь...

Он опустил пистолет и двинулся ко мне.

– Нет! Не подходи! – Я громко завизжала, ударила его по лицу, и поцарапала щетинистую щеку. Громила сузил глаза, лицо его исказилось в гримасе злости.

– Давай по-хорошему, – сказал он, хватая меня за руки, чтобы я не поцарапала его снова. Но я не собиралась его слушать. Пнула его в коленную чашечку, но громила даже не поморщился, лишь сильнее разозлился.

– Тогда по-плохому. – Он грубо схватил меня за локоть и потащил из конюшни. Я брыкалась, пытаюсь вырваться из его цепкой хватки, но громила не реагировал, мои попытки были ничем против его силы. На улице бушевала стихия, дождь ударил по моей голове, заставляя меня поморщиться, крупные капли заливали лицо.

– Куда ты тащишь меня?

– Ты вломилась в конюшню хозяина, – безэмоционально бросил он.

– Хозяина? Конюшня принадлежит моему отцу! – воскликнула я, но заметив стальной взгляд мужчины, сжалась до размера горошины. Черт! Я же не хотела раскрывать ему свое имя. А в итоге так просто раскололась, ему даже не пришлось поочередно отрезать мои пальцы.

Парень, однако, ничего не ответил, швырнул меня на зад-

нее сиденье машины и захлопнул дверь, я не успела ничего сделать, ведь уже через секунду он занял водительское сиденье и заблокировал двери.

Черт!

Машина зарычала и рванула вперед. Я ударилась о дверцу, когда автомобиль немного занесло на размытой дороге, но бугай быстро выкрутил руль и машина выровнялась.

– Послушай, я не знаю, кто ты, но я не стою того, чтобы похищать меня. У меня ничего нет.

Я услышала короткий смешок и напряглась. Моя промокшая задница дрожала от страха.

– Ты же дочка хозяина конюшни, – сказал он, наблюдая за моим лицом через зеркало заднего вида. – Хотя если верить тебе на слово, то когда ты родилась, твоему отцу было сколько? Четыре-пять лет?

Я вскинула брови в недоумении. Что за чушь он несет?

После завещания я думала, что ничего уже хуже быть не может, но как оказалось, это было только начало. Должно быть в прошлой жизни я сделала что-то ужасное, иначе почему сейчас на мои плечи навалилось столько проблем? Душа покинула мое тело, когда я заметила, что меня везут не в лес, а в дом Фостеров. И что-то мне подсказывало, что в лесу мне понравилось бы больше.

Зайти в дом мне позволили не через парадную дверь, а через вход для прислуги. Словно я какая-то скотина дворовая. В прачечной мне разрешили сесть на пол. И тут я не ста-

ла спорить, мои ноги болели так сильно, что казалось, вот-вот отвалятся. Тогда-то я и поняла, о каком хозяине твердил бугай. Кстати о мистере «тычу в каждого встречного своим стволом», он стоял надо мною, словно я была опасной преступницей. Хотелось поскорее упасть в ванну и отмыться от всей той грязи, которая налипла на меня за сегодняшний день. Я промокла до ниточки и чертовски сильно замерзла.

– Ты нашел того, кто вломился? – раздался властный голос, который тяжестью отразился в моей груди. Я вскинула голову и заметила на пороге прачечной Фостера-старшего. Страх, отчаяние и усталость покинули мое тело так быстро, словно их и не было вовсе, уступая место ярости.

Он окинул меня придирчивым взглядом, подмечая каждое пятнышко и каждую песчинку на моей испорченной одежде, а стоит сказать, что только мои губы не были в грязи или дерьме, все остальное было мокрым, грязным и дурно пахло, сочувствую сиденью в машине бугая. Уголок его губ пополз вверх, словно Фостеру понравилось зрелище. Придурок просто наслаждался тем, в каком ужасном положении я находилась.

Я поднялась на ноги и шагнула ближе к человеку, которому очень пошла бы отвертка в шее.

Бугай преградил мне дорогу, словно это у меня был пистолет.

– Да, она выломала дверь, представилась Эрин Сваровски, сказала, что работает конюхом.

Я сжала челюсть, буравя затылок придурка в черной куртке, мечтая прожечь его насквозь. А затем взглянула на лицо Фостера, который уже не скрывал того, как его веселила эта ситуация.

– Значит, *ты* выбила дверь, – напрягая губы, чтобы не рассмеяться, спросил он. Это его «ты» было произнесено такой интонацией, будто он верил, что я не способна и двухлитровую бутылку молока поднять.

– А есть какие-то проблемы? К твоему сведению я себе чуть плечо не сломала!

– И натоптала грязи. – Рукой он обвел то место, где я сидела. С меня стекала грязная вода, пачкая его безумно дорогие полы. Ах, да, не его, а его покойного отца.

– Это единственное, что тебя волнует? – зарычала я. У порога была лестница из трех ступеней, Фостер спустился и подошел ко мне. На нем были все те же белая рубашка и черные брюки, волосы взъерошены, а чуть выше запястья покоились дорогие швейцарские часы. Я же была одним большим мокрым и лохматым куском грязи. Тем не менее, моя голова была поднята так высоко, что еще немного, и позвонки моей шеи могли разойтись в стороны.

Кончиками большого и указательного пальцев он взялся за мой подбородок, брезгливо осматривая меня. Вся смешливость испарилась из его глаз, я попыталась вырваться, но он не дал мне сделать этого, схватившись за мое лицо сильнее.

– Зачем ты вломила в мою конюшню?

– С чего это она твоя? – зашипела я ему в лицо.

– Твой отец продал мне ее.

– Так, ну это уже не шутки! – фыркнула я, с силой ударяя его по руке. Отец ни за что не продал бы конюшню Фостеру.

– Я и не шучу. Земля и конюшня принадлежат мне, лошади принадлежат мне, весь персонал работает на меня. А ты только что прибавила проблем, ведь теперь мне придется ремонтировать дверь. Кое-что никогда не меняется. Появится Барбара Эванс, и все летит к чертям.

Я проигнорировала последние его слова, ведь в них совсем не было смысла, к чертям все летело только из-за него, а не из-за меня. Сейчас моя проблема, помимо завещания – дорогая моему сердцу конюшня.

– И когда же он успел ее продать тебе?

– Год назад.

Я почувствовала сильнейшее головокружение, развернулась и пошла в противоположный конец комнаты, путь мне преградил громила.

– Только попробуй еще раз меня тронуть, Железный человек, я выцарапаю вот этими ногтями твои глаза и скормлю их тебе на ужин, понял меня? – Я вскинула руку, демонстрируя ему длинные ногти, парочка из которых была сломана, и, пройдя мимо него, села на пол, ведь стоять больше не было сил.

Отец продал конюшню, которая была моей душой этому

извергу. Он составил отвратительнейшее завещание, требуя от меня невозможного. Я уже сомневалась в том, что он любил меня. Разве любящий отец поступит так со своим единственным ребенком?

– Он продал мою душу, – тихо сказала я, чувствуя, как мои глаза начинают наполняться слезами. – Продал мою душу, а теперь и тело мое продать хочет!

Я затравлено взглянула на Фостера. Он подошел ближе, возвышаясь надо мною, будто каменная статуя. Ему совсем не жаль меня, он не мог даже посочувствовать. Просто смотрел на меня в упор и молчал.

– Здесь открыто окно? – спросила я, ведь почувствовала, как из моих легких разом пропадает весь кислород.

– Нет, а что?

– Как «что»? Я задыхаюсь, ты не видишь что ли? – закричала я, хватая ртом воздух.

Он устало сложил руки на груди, словно ему ужасно надоела эта ситуация. Даже чертов громила позади него, кажется, проникся ко мне, ведь не смотрел больше так, словно по одному приказу «Хозяина» готов был пристрелить меня. Фостер и раньше был таким – холодным, словно лед, в своей извечной задумчивости, но теперь он просто превратился в бездушную машину.

– Джефри, что происходит? – послышался до боли знакомый женский голос. На секунду я лишилась дара речи, ведь эта девушка – последний человек, которого я ожидала уви-

деть в доме Фостеров.

Боже.

Я зажмурила глаза, отказываясь верить в происходящее. Как же мне хотелось проснуться и осознать, что я всего лишь увидела страшный сон. Что она здесь делает?

– Челси? – спросила я, все еще надеясь, что силуэт девушки всего лишь плод моего воображения, что я так устала за сегодняшний день, перенасыщенный событиями, что уже не отличала действительность от бреда. Но когда она подошла к Фостеру, а тонкие пальцы обернулись вокруг его предплечья, я поняла: это не сон.

Живот скрутило от неприятного чувства, которое я надеялась, что искоренила в себе в тот же день, как покинула этот город. Парень, который очаровал меня, а затем предал, теперь встречался с моей лучшей подругой.

Бывшей лучшей подругой, ведь настоящие друзья так не поступают.

Джеффри внимательно следил за моим взглядом, будто хотел видеть мою реакцию и не сбрасывал ее руки со своего предплечья. Я старалась прятать отчаяние, захватившее мое тело полностью, но мои трясущиеся руки и неровное дыхание выдавали меня с потрохами. Всего на одну секунду в его глазах показалось нечто такое, что могло заставить меня поверить в то, что тот Джеффри, который проводил со мной время на пирсе, реален. Что это не выдумка и не образ, который был изобретен только для того, чтобы залезть в мою го-

лову и завладеть моим сердцем, чтобы использовать меня и добраться до моего отца. Но я уже говорила, что никогда не верила в сказки?

– Здравствуй, Барбара, – как-то совсем неприветливо сказала Челси, затем снова обратилась к Джеффри. – Что она здесь делает?

Он не ответил, отстранился от нее, но взгляда от моего лица не отвел.

– Здесь есть душевая и туалет, воспользуйся ими и прачечной, вещи высохнут где-то за полчаса, а после Далтон отвезет тебя в город, – безразлично бросил Джеффри. – И не засиживайся на полу, в доме могут быть муравьи. – Мои глаза в страхе округлились после его слов, я вскочила на ноги, в панике осматривая полы, а Фостер, усмехнувшись, ушел. Челси последовала за ними.

– Что смотришь? – зарычала я, оборачиваясь к быку по имени Далтон. – Уйди уже, дай даме привести себя в порядок. – Его глаза забегали, словно в голове не было подобной команды. Мне показалось, будто он что-то хочет мне сказать, я увидела в его взгляде жалость. – Господи, просто проваливай уже, а не бодай воздух!

После этих слов меня все же оставили в покое. Я была разбита, ведь совсем не ожидала получить столько кинжалов в спину за день. Но я не привыкла сдаваться.

Нет.

Я сама решу свои проблемы. В моей голове уже зрел план

«Б», Челси не помеха, и если я сделаю все правильно, то наследство будет у меня.

Единственное и такое крошечное не укладывалось в моей голове, так это почему мои вещи все еще были в конюшне, если Фостер выкупил ее еще год назад? Почему он не выбросил все это? И почему все это ровной стопкой лежало на месте, словно дожидаясь меня?

Глава 5

Джеффри

Я чувствовал запах румяных тостов и клубничного джема, словно это происходило вчера. В то утро за столом сохранялась тишина. Я смотрел на свою тарелку и понятия не имел, как протолкнуть в себя завтрак. Ни я, ни Мейсон не хотели всей этой «семейной» ерунды, особенно после того, что произошло прошлым вечером.

Брат не разговаривал со мной, когда узнал, что я и Барбара встречались за его спиной. Вернее, он даже не думал, что мы встречались – нет. Он полагал, что я трахал его девушку, потому что я неполноценный закомплексованный ублюдок, которому хотелось хоть на секунду почувствовать свою важность, именно это он сказал мне перед завтраком.

Джемма всего лишь презирала меня, хоть и старалась не показывать этого, я не винил ее, ведь она – мама. Мама, которая очень любила своего сына и не могла смотреть на то, как он, совершенно разбитый, уже час смазывает свой тост маслом, так и не решаясь откусить хоть кусок. Вообще сомнительное блюдо на тарелке Мейсона едва ли можно было назвать тостом с маслом, это скорее было масло с тостом, никак иначе.

И я посочувствовал бы Мейсону, но правда в том, что весь прошедший час я продумывал, как глубоко нужно вогнать

вилку в его глаз, чтобы она достала до мозга, и мой брат скончался в муках. Образ того, как *Она* выходит из его комнаты и небрежно утирает свои губы все еще стоял в моей голове. Ревность поглощала меня. Вчера я решил, что Барбара просто блефует, что в своем стремлении причинить мне боль, она зашла настолько далеко, что пыталась заставить меня поверить, будто сделала минет моему брату в его комнате.

Да. Она лгала, так думал я. Пока Мейсон не стал ухмыляться каждый раз, стоило ему взглянуть на меня этим утром. Он ухмылялся как самый настоящий сукин сын, будто знал нечто такое, что давало ему преимущество, будто вчера вечером забавлялся с моей девушкой.

– Я думаю, нам нужно обсудить то, что произошло вчера, – начала Джемма. – Вернее, будет правильно принять все события, и двигаться дальше. Война в этой семье ни к чему.

– О каких событиях ты говоришь? – сузив глаза, спросил Мейсон. – Ты о том, что мой брат трахал мою любимую девушку, которую я пытался вернуть. Или о том, что им обоим наверняка было до ужаса смешно, ведь они наблюдали, как я бегаю за той, что была подлой лгуньей?

Я напрягся, но даже не взглянул в его сторону, продолжая изучать взглядом пенку в кофе передо мной.

– Мейсон, мы хотим наладить отношения, а не испортить их окончательно, – назидательно проговорила Джемма, отчего я едва не рассмеялся вслух. Когда в этой семье были нормальные отношения?

– Отношения в нашей семье уже не наладить. Все было бы прекрасно, если бы кое-кто умел хранить верность своей супруге, – вдруг выдал Мейсон, повергая этим в шок всех присутствующих.

Если бы отец сохранил верность Джемме, то он никогда не связался бы с Дорис, а это значит, что я никогда не родился бы, вот о чем говорил мой брат.

– Перестань, – строго сказал отец, поглядывая на младшего сына из-под нахмуренных бровей.

– Что перестать? Я долго молчал, но я больше не буду терпеть, не после того, что он сделал!

Я почувствовал боль в ладони и только потом понял, что сжимал вилку с такой силой, что фамильное серебро едва не прорезало мою кожу.

– Ты прощаешь Джеффри все, но не мне! Он всегда первый, а теперь он и девушку мою забрал себе!

Я усмехнулся. О чем когда-то и говорила Барбара. Мейсону, видимо, не хватало мозгов понять, что безразличие никак не связано с любовью.

– Ты не прав, я люблю своих сыновей одинаково, – вдруг заявил отец, повергая в шок уже меня.

– Да? Поэтому даже смотреть на меня стоит тебе огромных сил? Я не виноват в том, что ты и моя мать не потрудились купить парочку презервативов! – вскипел я. Виски нещадно пульсировали от боли, и я чувствовал, что вот-вот рвану, словно шар напичканный тротилом.

– Еще бы я жаловался, если бы мне молча пополняли карту, не требуя, чтобы я отказался от любимого дела, – фыркнул Мейсон, складывая руки на груди.

– Поплачь, как несправедлива жизнь, а затем попробуй стать мужчиной хоть на секунду, возьми свои яйца в кулак и скажи уже отцу, что тебе не нужна эта гребаная компания! – зарычал я. Брат смотрел на меня, раздувая ноздри, губы плотно сжаты, взгляд прожигал мою голову. Да он взбешен не иначе. И я просто не мог остановиться, ярость на мою семью, на Мейсона, на чертову девушку, что вырвала мое сердце, переполняла меня, и я знал, на ком могу сорваться. – Может если бы ты не был таким нюней, мне не удалось бы увести ее у тебя?

– Джефри! – воскликнула Джемма.

– Хватит, вы оба! – вторил ей отец. Но ни я, ни Мейсон не слушали их. Вена на лбу Мейсона пульсировала так яростно, что могла разорваться в любой момент. Он хотел броситься на меня, ударить, но смог совладать с этими эмоциями. Вместо того чтобы пуститься во все тяжкие, он вдруг улыбнулся, эта улыбка не тронула его глаз, а тело продолжало источать ярость.

– О, так ты настолько наивен, что веришь, будто увел ее у меня? Нет, Джефри. Когда ты имеешь дела с Барбарой, нужно признать, что правила устанавливает она. Ты ведь сам говорил мне. Она манипулирует и играет людьми, словно пешками на шахматной доске. Если ты думаешь, что между вами

было нечто особенное, то ты ошибаешься, потому что она просто выбрала себе нового песика. В противном случае она не пришла бы вчера ко мне в комнату, – выплюнул он, внимательно наблюдая за моим лицом. Я чувствовал, как меня трясет от ярости, а руки так и чесались придушить гребаного Мейсона. Он провоцировал меня и, судя по блеску в его глазах, ждал, когда я сорвусь. – Я уже говорил, что у Барбары просто потрясающий ротик? Кто знал, что ей придется хорошо потренироваться на моем старшем брате, прежде чем она сделает хорошо и моим яйцам. Ох, а киска у нее такая тугая, что мне даже было больно, но спасибо, братец, что распечатал ее для меня...

– Твою мать, ты покойник! – зарычал я, толкая Мейсона со стула. Брат повалился на пол и тогда я обрушил на него сразу несколько точных ударов, я слышал крик Джеммы, голос отца и хруст носа младшего брата, а еще впервые с того момента, как мое сердце расколосось, почувствовал каплю облегчения. И эта секунда торжества и растерянности, странного наслаждения и спокойствия стала моей брешью. Мейсон использовал очень грязный прием и нанес удар в мой кадык, одновременно сбрасывая меня с его напряженного тела. Я закашлял, мне требовалось несколько секунд, чтобы собраться и убить чертового Мейсона. Из его носа потекла кровь, но он улыбался, словно психопат, и только я собрался надолго стереть этот самодовольный оскал с его лица, как между нами встал Дэниел.

– Что вы устраиваете?

– Мейсон, – взволнованно защebetала Джемма, – дай проверить твой нос.

– Я в норме.

На секунды в кухне воцарилась тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием. Каждый думал о своем. Я и Мейсон мечтали довести дело до конца – драться, пока не отключится один из нас, Джемма, возможно, пожалела о том дне, когда позволила мне остаться в их доме, Дэниел наверняка жалел о том, что не позаботился о предохранении в ту злополучную ночь. Но никто из нас не успел и слова вымолвить, ведь в холле послышался взбешенный голос Оливера Эванса.

– Где она? Где моя дочь? – он обращался ко мне, но я не понимал, о чем он говорит. Разве его дочь не должна быть дома?

И тут то мы узнали, что утром Оливер пришел в комнату Барбары, но не обнаружил ее, она сбежала, оставив своему отцу маленькую записку.

«Со мной все хорошо. Я начинаю новую жизнь, не нужно меня искать. Я надеюсь наконец стать счастливой»

– Все, как я и говорил, она ушла, – надломленным голосом бросил Мейсон, когда мы оба сидели за обеденным столом, пока Джемма, Дэниел и Оливер бурно обсуждали сложив-

шуюся ситуацию. Мейсон держал окровавленную салфетку у своего носа, его взгляд был помутнен воспоминаниями, я не знал, что именно он проигрывал в своей голове, но то, как исказилось его лицо, говорило мне, что Мейсону больно. Не физически, ведь как оказалось, его нос был цел, опух немного, кровоточил, но точно не был сломан. Это была душевная боль.

Но его боль никогда не сравнится с моей.

– А знаешь, почему она ушла? Потому что в этом мире, единственный человек которым она дорожит – это сама Барбара.

Так что вот вам еще один факт о девушке, которую я когда-то боготворил – когда у нас все покатило в бездну, она первым же делом дала трахнуть себя моему брату. И час назад, когда я увидел ее в своей прачечной, всю вывалянную в грязи, не мог не улыбнуться. Кто теперь дурная кровь?

– Джеф, ты не хочешь этого? – спросила Челси, вырывая меня из собственных раздумий. Удивленный взгляд блуждал по моему лицу, пока ее рука сжимала мой член, который никак не хотел приходить в готовность.

О сексе я думал в последнюю очередь.

Положение Барбары куда более печальное, чем я предполагал. Мейсон сказал, что ее выставили из дома. Но вместо того, чтобы уехать из города, снять себе номер в отеле, во время бури она пробирается в конюшню. Значит, выбора у нее нет. Барбара на мели и в полном отчаянии. Она не может

отказаться от наследства и намерена во что бы то ни стало получить его. Если Мейсон не согласился брать ее в жены, то остается лишь один Фостер.

Челси продолжала поглаживать меня, ее тонкие пальцы скользили вверх-вниз, вызывая покалывание внизу моего живота. Она покусывала мою шею, что-то нашептывая, но я не понимал ни слова из ее тихой болтовни, ведь был поглощен мыслями о другой.

Хлопнула дверь, я вскинул голову, встречаясь взглядом с растерянными голубыми глазами Барбары. Она медленно дошла до середины кабинета и замерла. Ее взгляд блуждал по мне, а затем перебежал на Челси. Легкая тень отвращения появилась на бледном лице: она все верно поняла, рука ее подруги была в моих штанах, и с приходом Барбары Челси не остановилась, смотрела на подругу не прекращая двигать рукой по моему напряженному члену. И Барбаре это не понравилось. Однако уже через секунду на ее лице не было ничего, кроме холодной уверенности и скуки.

– Зачем ты здесь? – спросила Челси. Эта брюнетка ревновала меня к каждому столбу, а к Барбаре особенно, учитывая то, что связывало нас с Эванс в прошлом. Раньше меня злило такое собственническое поведение Челси, ведь я никогда не обещал ей чего-то большего, чем секс, но сейчас моими губами завладела маленькая довольная улыбка. Ведь как бы хорошо Барбара не прятала свои эмоции, ее в мгновение побагровевшее лицо выдавало ее.

Однако ревность Челси была безосновательна. Все, что я хотел сделать со светловолосой куклой, так это сломить ее волю, указав на ее положенное место. И, кажется, мой план начинал приходить в действие, ведь Барбара все еще не уехала. Она успела принять душ и переодеться. Даже волосы уложила и теперь они светлыми волнами лежали на плечах и груди. В этом была вся Барбара, она по уши в дерьме, но ее локоны будут сиять, как у тех девиц из рекламы шампуня.

Я обратил внимание на розовое платье с длинным рукавом. Тонкая ткань облегла ее грудную клетку, выпячивая вперед пышный бюст, выделяло тонкую талию и свободно струилось вдоль пышных бедер, однако было очень коротким. Мой взгляд упал ниже, замечая на ней серебристые туфли на огромных каблуках.

В восемнадцать Барби была слишком стройна, виднелись ребра, бедра были меньше. Но сейчас она была другой, части ее тела стали взрослее. Грудь налилась сильнее, была изящная талия и пышные бедра. Она стала аппетитнее, готов поспорить, каждому, кто видел ее, приходилось старательно сдерживать свой стояк. Лицо ее наоборот стало худее, исчезли подростковые щеки, маленький подбородок заострился, скулы стали более выражены, невинность пропала из ее глаз.

Любопытство почти сжигало меня до костей. Мне хотелось увидеть ее всю, без одежды, хотелось узнать, по-прежнему она нежно стонет, когда чужой язык касается ее горячих местечек, такая же она сладкая как была раньше? По-

чувствовал бы я полное помешательство от секса с ней, как тогда, в прошлом или нет? Ведь она была единственной, кто знатно расплавила мой мозг, при этом ей даже не пришлось ничего делать, лишь сжимать мои волосы в своих ладонях и извиваться под моими губами и языком.

Нет. Я совсем не хотел этого. Секса в моей жизни было достаточно.

Черт, мой живот моментально потеплел, а член откликнулся на подобное зрелище. Что не укрылось от Челси, которая приходила в ярость так же быстро, как отвердевал мой член.

– Нам нужно поговорить, – сказала блондинка.

– Если ты не заметила, мы немного заняты, – фыркнула Челси.

– Продолжите позже. Это срочно.

– Мне плевать на срочность, уйди!

Ох, я не мог отказать себе в удовольствии узнать, что же задумала Барбара.

– Дай нам поговорить, – поглядывая на брюнетку, сказал я. – Продолжим после.

Челси наградила меня холодным взглядом, убрала свою руку, взмахнула волосами, и обиженно сжала губы в тонкую линию. Она посчитала меня предателем, однако спорить не стала, убежала из кабинета, с грохотом захлопывая за собой дверь.

Как только мы остались вдвоем, я встал с кресла, и мед-

ленно, наблюдая за реакцией Барбары, застегнул свои брюки.

– Говори.

Я неторопливо обошел стол и встал напротив нее. Барбара долго молчала, будто не могла подобрать слов. Я видел, как неуютно она себя чувствует здесь. Она была достойной дочерью своего отца, больше всего на свете не любила просить о помощи. Однако она смогла задушить свою гордость, ведь в следующее мгновение с ее губ сорвались до боли приятные слова:

– Сделай что-нибудь. Ты в состоянии нанять лучших адвокатов, которые разобьют это дело за секунды.

– И зачем мне делать это? – хмуро спросил я, растягивая момент превосходства над девушкой, которая когда-то решила, что прыгать из постели одного брата к другому – хорошая идея. – Твои проблемы меня не касаются.

Барбара замолкла, ее глаза лихорадочно забегали по моему лицу. Столько разных эмоций пронеслось в ее глазах: страх, отчаяние, безнадежность, но, в конце концов, все завершилось одним – решительностью.

Она подошла ближе ко мне, ее запах моментально опалил мои легкие.

Успокойся, Фостер.

Многие девушки пахнут приятно, это не стоит того, чтобы терять голову.

– Ты понимаешь, что мне нужно от тебя, иначе давно вы-

ставил бы меня из этого дома, но нет, ты позволил остаться, хотя ненавидишь меня. Готова поспорить, ты ждал этого момента все пять лет, мечтал, чтобы я приползла к тебе и вымаливала на коленях прощение за свои слова, но ты не дождешься этого. Просто скажи, что ты хочешь взамен.

Я еще раз скользнул по ее телу взглядом, подмечая каждую деталь: вздымающуюся грудь и кружево ее бюстгальтера, просвечивающееся через тонкую ткань платья, искусанные в терзаниях губы и огромные глаза, лишившиеся доверчивости, но полные надежды. Я отошел назад и сел на край стола, свысока взирая на порозовевшую от моего долгого изучающего взгляда Барбару.

– Разве ты можешь предложить мне то, чего у меня нет? – издевательским тоном спросил я. Мы оба понимали к чему все идет, и я слухавлю, если скажу, что совсем не заинтересован в том, что она может предложить.

Барбара сделала несколько глубоких вдохов, огонек надежды стал угасать в ее глазах. Но вдруг Эванс вскинула голову, очевидно, ей на ум пришла какая-то невероятная мысль, и я уже знал какая. Мои яйца болезненно сжались, когда она несмело схватилась за пуговицу на своем платье и расстегнула ее.

– Могу, – тихо ответила она и продолжила расстегивать свое платье. Я следил за каждым движением ее пальцев, за тем, как розовая ткань расходилась в стороны. Когда показалась ее большая грудь, прикрытая кружевом бюстгальтера,

я почувствовал, как сердце подпрыгивает до самого подбородка.

– Остановишь меня?

– Зачем? – усмехнулся я, внутри сгорая от сумасшедшего возбуждения и вожделения. Моя рука непроизвольно дернулась, мне так сильно хотелось опустить ее и сжать себя, я просто не мог спокойно стоять и смотреть на то, как она раздевается.

Барбара скинула платье, оставаясь в одном нижнем белье. Кружевные трусики на ней были совсем крошечными.

Дьявол.

Я не мог отвести взгляда, хотя понимал, что должен держать себя в руках. Не думал, что после стольких лет меня впечатлит ее тело, но оно определенно впечатляло так, *как не впечатляло ни одно другое.*

Всего лишь похоть, ничего большего. То самое «большее» она уничтожила пять лет назад.

Барбара завела руку за спину, и оторопела на секунды. Она надеялась, что я остановлю ее, но я не собирался делать этого. Смотрел на нее прямым взглядом исподлобья, которым часто пользовался во время заседаний совета компании, которого не боялись, ведь я был юн по сравнению с остальными, но определенно уважали. И только она собиралась расстегнуть бюстгальтер, как из моего рта вырвался презрительный смешок. Эванс замерла, с удивлением заглядывая в мои глаза.

– Ты, как и раньше, готова раздвинуть ноги, чтобы получить желаемое, ничего не меняется, верно, Барбара? Прешь напролом и не важно какой ценой, – прозвучал мой холодный, наполненный жестокостью голос.

Я жадно заскользил взглядом по ее телу. Думал ли я в этот момент о сексе?

Нет.

Я думал о мести.

Глава 6

Барбара

Я беспомощно открыла рот и зашевелила губами, пытаюсь подобрать слова, чтобы ответить ему, но как назло, не могла даже просто обозвать его.

– Зачем ты это делаешь?

Он усмехнулся, однако улыбка не коснулась его глаз, отчего выражение лица Фостера было чертовски жутким.

– Потому что могу, потому что это легко, потому что это забавно, – медленно перечислял он, приближаясь ко мне. Оказавшись рядом, он коснулся моих волос, заправил светлый локон мне за ухо. Он вел себя так, словно я была его домашним питомцем. Его большой палец скользнул по моей нижней губе, чуть оттягивая ее вниз. Я отклонила голову, только бы он не прикасался ко мне.

– Тебя забавляют мои страдания?

– Меня забавляет полное отсутствие у тебя самоуважения, – ответил он, заставляя меня одной фразой покрыться мурашками с головы до ног. Я контролировала себя, чтобы не ударить его. Боже, я больше не была той маленькой игрушкой в его руках, меня не должны заботить его слова, они не должны трогать мое сердце, ведь я преодолела это еще несколько лет назад. Я жила полной жизнью, встречалась с парнями, крутила ими, как хотела, не позволяя манипули-

ровать мной. Мое сердце возродилось и стало каменным, до него нельзя было добраться, но вот я в доме Фостера, и снова позволяю кому-то влиять на меня.

– Знаешь, мне ведь всегда хотелось немного тебя запачкать.

– Запачкать?

– Показать тебе, что твоя задница сделана не из золота, Барбара. Ты не такая идеальная, какой мнишь себя. Кому-то нужно было напомнить тебе это. – Я прикусила губу, сдерживая боль, которая пронзила мою грудь. – Признаться честно, мне не хочется ввязываться в это, но было бы очень глупо отказаться от человека, который готов пойти на все, только бы я сделал что-то с ее бедственным положением, не считаешь? – Фостер подобрал мое платье с пола, а затем небрежно бросил его мне, словно я была грязной шлюхой, которую он подцепил в дешевом, пропахшем алкоголем баре, и передумал ее трахать, когда увидел на ее животе странную сыпь.

Я начала лихорадочно натягивать розовую ткань на себя, но она не поддавалась, руки меня не слушались, отчего в своих попытках одеться я выглядела нелепо. Он больше не смотрел на меня, спрятал руки в карманы брюк и отошел к своему столу.

– Есть завещание, есть закон, твой отец был во здравии, насколько я знаю, поэтому признать его недееспособным не удастся. Я не смогу опровергнуть завещание, даже если действую все свои ресурсы, чего ради тебя, я делать и не со-

бираюсь.

Ненависть к этому человеку сжигала меня изнутри и, разобравшись со всеми пуговицами на платье, я выпрямилась.

– Ты ничтожество, Фостер.

– Хотя есть еще одна идея, можешь переспать с адвокатом твоего отца, нотариусом, или со всей нотариальной коллегией, возможно, они смогут «потерять» завещание. – Фостер хотел приблизиться к моему уху, но я замахнулась в попытке ударить его по лицу, он перехватил мою руку, тогда я замахнулась другой, но и она была схвачена. Джеффри с силой сжал мои запястья и притянул меня к нему, следующие слова он прошептал в мои губы: – И скажу наперед, ведь твоя светлая голова может счесть это хорошей идеей: это был сарказм. Потерять завещание невозможно, поэтому переспи ты хоть со всем городом, штатом, с белым домом, твоей проблемы это не решит.

– Ублюдок! – зарычала я и начала брыкаться, чтобы причинить ему хоть немного боли от той, что испытывала сейчас. Но он развернул меня и прижал спиной к своей груди, намертво припечатывая меня и сковывая мои руки. Своими ягодицами я чувствовала его внушительную эрекцию. Но это совсем ничего не значило, причиной его возбуждения была банальная похоть.

Его губы коснулись моего уха.

– Да, и этот ублюдок – единственный человек, который

стоит между тобой и твоим наследством.

Я пыталась вырваться, но все было тщетно, он был больше меня в несколько раз, сильнее, я чувствовала спиной каменные мышцы его груди и в какой-то момент просто сдалась.

– Говори уже, что тебе нужно, я терпеть не могу неизвестность. – Он вжимал меня в свое тело, но при этом держал меня в своих руках очень отстраненно, будто не хотел прикасаться вовсе, словно одна мысль о том, чтобы держать меня была для него омерзительна.

– Привыкай. Я еще не придумал, что сделаю с этой властью, но уверяю, у меня просто потрясающее воображение.

– Не сомневаюсь, – скрывая дрожь в голосе, ответила я.

– Я знаю, какой занозой в заднице ты можешь быть, залезешь так глубоко, что ни один врач не достанет. Поэтому будь паинькой, Барби.

Барби.

Я думала, это что-то значит для него, но на самом деле я всегда была для него глупенькой Барби.

Первая слезинка скатилась по моей щеке, замирая где-то на губах. Я сглотнула ком в горле размером с бейсбольный мячик и обреченно откинула голову на его плечо. Он ощущался большим и теплым позади меня, в его руках я утопала почти полностью, ведь была очень маленького роста, раньше он был моей надеждой, моей защитой и опорой, но он выбрал быть моим наказанием, моей ненавистью.

– Я постараюсь, – обреченно выдала я.

Смешок одобрения сорвался с его губ, грудь позади меня завибрировала.

– Вот и славно. Займи комнату около прачечной на первом этаже.

– Комнату для прислуги? – ошеломленно спросила я.

– Да.

Я не смогла сдержаться и тихо всхлипнула. Услышав это, он напрягся, замер.

Неужели человек без сердца почувствовал жалость ко мне? Мои подозрения развеялись слишком быстро, ведь в следующее мгновение он сказал:

– Спокойной ночи. Думаю, тебе понравится быть за-мужем, Барби.

Его губы съехали чуть ниже, трепетно коснулись моей щеки. Если бы я не знала, как сильно он ненавидит меня, то решила бы, что это был жест нежности. Он шумно вдохнул, будто... нюхал меня.

– Достаточно было просто попросить. Но это ведь так сложно для тебя. Всегда было. На глотку себе наступишь, но не станешь умолять. Гордая Барби лучше даст себя трахнуть, чем нормально попросит о помощи, – прошептал Фостер. Его шепот отразился мурашками на моей шее.

Слезы крупными каплями покатались из моих глаз, стекали к подбородку и опадали на его руки, которыми он сжимал меня. Его пальцы разжались, он отстранился и ушел из кабинета так быстро, что я даже не успела взглянуть на него.

Ранним утром я бесцельно наблюдала за покачивающимися на ветру ветвями кустов во дворе. Буря миновала, небо было голубым, из-за горизонта совсем недавно показалось солнце.

Я не могла больше уснуть. Стоило мне закрыть глаза, как я видела ухмыляющееся лицо Фостера. Чувство стыда, в которое он вогнал меня, разъедало мой мозг. Я чувствовала себя грязной, хоть и не сделала ничего плохого. Думаю, всему виной сам факт того, что я сбросила с себя одежду по первому его требованию и позволила управлять мной. Хотя если быть откровенной, он ведь совсем не принуждал меня, это сделала я сама.

Ночью я решила пробраться на кухню, потому что очень сильно хотела есть. Мой желудок болел, ведь в течение дня я выпила лишь несколько чашек кофе. Я знала, что никого не застану, ведь все нормальные люди спят ночью. Как же я ошибалась.

Из гостиной раздавались странные звуки, и это смутило меня. Я говорила сама себе, что мне не следует заглядывать туда, но все же решила проверить. В камине плясал огонь, отбрасывая танцующие тени на стены. Я медленно скользила взглядом по залу, пока не заметила их. Джеффри восседал в кресле без рубашки, а верхом на нем была Челси. Она тер-

лась о его колени, предвкушая момент, когда он наконец разделет ее и трахнет так, что будут дрожать ноги.

Моя подруга и мой бывший.

Челси оставляла поцелуи на его шее, даже с такого расстояния я видела, как краснеет его кожа от ее грубых укусов, видела, как напрягаются его мышцы каждый раз, стоит ее бедрам потереться о его член. Я видела лишь ее спину, тогда как в случае с Фостером, мне было доступно его лицо. Оно прекрасно освещалось светом от огня в камине.

Я вдруг почувствовала, как в моей груди разрастается бездна размером с Аляску. Фостер не захотел спать со мной, потому что я противна ему, но легко мог делать это с Челси.

Словно почувствовав, что я наблюдаю, он вскинул голову, взгляд зеленых глаз остановился на моем лице. Одна его рука опустилась на задницу Челси, он резко прижал ее к своему наверняка уже твердому члену, внимательно наблюдая за моей реакцией.

Первым моим порывом было отвернуться, спрятать взгляд, я не испытывала возбуждения, как в прошлом, когда застала его трахающимся сразу с двумя девушками, сейчас я испытывала только отвращение, что мгновенно отразилось на моем лице. И совершенно странным образом в ответ на мои эмоции он нахмурился. На одно короткое мгновение в моей голове появилась мысль, будто Фостеру было дело до моих эмоций, будто одно это маленькое отвращение, что я излучала, могло хоть как-то задеть его душу. Но, как и рань-

ше, я ошибалась, ведь в следующую секунду его лицо стало безразличным, холодным и твердо глядя мне в глаза, он отодвинул в сторону волосы Челси и расстегнул ее бюстгальтер. Я не хотела видеть то, что должно было случиться дальше, поэтому я ушла.

Уязвленное эго не давало мне выдохнуть ни на секунду, напоминая о том, как низко я пала в погоне за наследством. Я – Барбара Эванс, родом из династии, построившей свой бизнес на энергетической промышленности, так просто позволила унижаться себе перед этим мудаком!

Интересно, когда отец составлял эту проклятую бумажку, он думал о том, через что меня заставит пройти Фостер? Боюсь, что не думал, иначе не составил бы такое дерьмовое завещание. Узнай он, что Джеф решит шантажировать меня, пристрелил бы того одним из своих охотничьих ружей. Отец, конечно, любил охоту на оленя, но куда большее удовольствие ему доставляла охота на козлов.

Дом Фостеров практически не изменился. Комната, в которой меня разместили, была не маленькой, но явно уступала гостевым спальням поместья. На стенах были тусклые желтые обои с рисунком мелкого цветочка. Кровать была неудобной, матрас скрипел даже при малейшем вздохе, напротив кровати было огромное зеркало в пол, словно специально размещенное там, чтобы я не расслаблялась и с каждым рассветом видела, в какой заднице оказалась.

Единственное окно выходило прямо на подъездную до-

рожку поместья. Солнечный свет проникал сквозь шторы, освещая краешек комнаты, что делало ее чуть симпатичнее – если к уродству вообще применимы такие понятия как «симпатичный».

Комната находилась на первом этаже в крыле для прислуги. Раньше на Фостеров работали дворецкий, кухарка, и парочка горничных – стандартный набор для жителей этого района. В отдельные дни по сезону появлялся садовник, сейчас, полагаю, были еще работники конюшни, ведь та теперь принадлежала придурку-старшему, однако вчера в доме я не увидела ни одного работника, хотя внешне поместье было ухожено. Значит, прислуга больше не живет в доме, а приезжает утром. Именно поэтому конура, в которой меня разместили, свободна.

Я нехотя встала с постели и потянулась, разминая затекшие мышцы. Спать на этом матрасе все равно, что в яме для погребения – твердо и не видно ничего кроме крышки гроба. Но я переживу все, что подкинет мне жизнь, получу свое наследство, а потом найму киллера, который сделает так, чтобы Джеффри подавился маленьким глоточком воды. Ярость и упорство в комбинации дают невероятный заряд энергии для мести. Моей ярости и упорства хватит на Фостера и на пять его таких же высокомерных копий.

Я сделала легкую укладку и подобрала наряд для этого дня: свободные брюки в крупную клетку, бежевый свитер на замке и в тон ему замшевые ботильоны. Одежды со мной

было мало, я ведь не думала, что зависну в городе надолго. Некоторые вещи и вовсе промокли после бури и теперь над ними нужно корпеть в прачечной. Но проблема с недостатком вещей уже была в процессе своего разрешения.

В столовой давно был накрыт стол. Во главе, словно гробаный король, восседал Джеффри. На нем был костюм-двойка и белая рубашка, с задумчивым видом он уставился в экран своего телефона. На соседнем стуле расположилась Челси. Сегодня ее темные волосы были убраны в строгий узелок на затылке, на ней было темно-синее платье свободного силуэта с короткими рукавами, на шее маленькая цепочка с подвеской в виде русалочки.

Безвкусица. И это я о Челси, приспешник сатаны на удивление выглядел весьма стильно. Кто знал, что через пять лет он сменит свои белые футболки на белые рубашки? Не хотелось признавать, но он выглядел потрясающе и в том и в том.

Джеффри, услышав мои шаги, вскинул голову и остановил безэмоциональный взгляд на моем лице. Уголки его губ даже не дрогнули.

С надменной маской на лице я медленно потянула бегунок молнии на кофте вниз, края свитерка разошлись в стороны, являя Фостеру элегантный кружевной топ бежевого цвета на тонких бретелях с глубоким декольте. Нижняя часть топа доходила до крайней пары ребер, но вещь все равно выглядела неподходяще для обычного завтрака. Для вечера в клубе, для бурной ночи в спальне – возможно, но не для зав-

трака.

Фостер замер с кружкой кофе в одной его руке и телефоном в другой. Лишь на секунду его взгляд скользнул ниже, однако это не было тем самым взглядом, которым смотрят на красивых женщин, он просто проследил за моим действием без задней мысли. В следующее мгновение он безразлично изогнул губы и вовсе перестал интересоваться моим появлением, обратил все внимание на экран своего телефона.

Вот так легко.

Он не хотел меня, словно я была недостойной, непривлекательной или даже грязной. И на фоне этого всего он просто трахается с моей подругой.

Бывшей подругой.

Я не покажу, как это оскорбительно для меня, не дам Фостеру почувствовать, будто он выиграл эту битву. Пусть считает, что сломил меня, пусть порадуется на короткое мгновение, прежде чем я... ну, в общем, придумаю, как отомстить.

Я гордо промаршировала вдоль всего стола и села на стул, что располагался по другую сторону от Джеффри. Все это время Челси не сводила с меня змеиного взгляда, тогда как я ее почти не замечала.

– Обязательно одеваться к завтраку как дешевая проститутка? – недовольным тоном, спросила она.

Я тихо усмехнулась, взяла в руки булочку и принялась намазывать на нее масло.

– Обязательно одеваться к завтраку как Хиллари Клинт-

тон?

– Она прекрасно выглядит.

– Для своих семидесяти пяти. Скажи, Челси, а давно ты предпочитаешь стиль тех, кто родился в середине прошлого века? – спокойно спросила я.

Моей бывшей подруге не помешал бы стилист. Раньше она выглядела куда более стильно, хоть ее семье и не хватало денег. Сейчас же она старалась выбирать классику, очевидно, в попытке соответствовать Фостеру, но судя по конечному варианту, выбирала она ночью и с закрытыми глазами. К тому же на ней была одежда из масс-маркета, тогда как на Фостере брендовый мужской костюм.

Я улыбнулась своим мыслям.

Потому что Челси не его девушка, они просто спят, иначе Челси воспользовалась бы деньгами Джефа и приобрела бы одежду из салона.

– Джефри, почему она все еще в твоём доме? – нервно оставляя кружку в сторону, спросила брюнетка. Только сейчас я заметила, что Джефри все это время не сводил с меня задумчивого взгляда.

Я надкусила булочку с маслом, едва не расплываясь в улыбке. Челси не знает, а значит, она будет вне себя от ярости. Нет ничего лучше с утра, чем испортить настроение сучке, которая смыла в унитаза годы дружбы.

– Ты еще не в курсе? Мы с Джефри женимся. – Я пожала плечами, наблюдая за тем, как ее брови изгибаются в изум-

лении.

Да, она не знала об этом.

Черт! Какой потрясающий день!

– Что? Это шутка такая?

– Ах, если бы. Джеффри часть моего завещания и вчера он согласился стать моим супругом. Думаю, из нас получится прекрасная фальшивая парочка. – Однако не могу гарантировать, что не подсыплю ему в кофе мышьяк. – Кстати, когда мы женимся?

– Я обдумываю это, – коротко ответил он, что мне совсем не понравилось. Не хочется тянуть, нам ведь еще целый год нужно находиться в браке.

– Так это правда? – оборачиваясь к своему парню – или кто там они все-таки друг другу – спросила Челси.

Джеффри даже не взглянул на свою новую пассию, тем более не ответил на ее вопрос, его взгляд был направлен прямо на меня, пока кончиком языка я слизывала масло с булочки. Казалось, он даже не слышал, о чем я и Челси переговаривались. Его зрачки расширились, и я не могла понять, о чем он думает в этот момент.

– Ты так и не сказала, почему пробралась в конюшню вместо того, чтобы снять номер в городе, – отводя взгляд от моих губ и языка, и странно откашливаясь, сказал Джеффри.

– У меня осталось пять тысяч долларов, – призналась я, а затем, подумав, добавила, – четыре. – Смысла скрывать от него это не было, Джеффри и так понимал, что если я при-

ползла к нему и просила его о браке, у меня ничего не было. Я в безвыходном положении.

Его хмурый взгляд снова вернулся к моему лицу. Сегодня Джеффри вел себя иначе, все такой же безразличный, но хотя бы не вынуждает меня раздеваться.

Он и не вынуждал.

Может быть, мы сможем договориться и, невзирая на груз прошлого провести это время в спокойствии?

– И что, совсем ничего нет? – Я сглотнула, сжимая булочку в руке, ведь спрашивая меня об этом, уголок его губ дрогнул. Никто не заметил бы, но я знала Фостера. Это было подобие улыбки – издевательской и гнусной улыбки. – Ты же жила в... – он запнулся, – где-то, чем-то занималась...

– У меня сейчас не лучший период.

– Значит тебе необходимо не только замужество, но и деньги?

У меня было пять тысяч долларов.

Четыре.

– Да.

– Отлично. У нас прибавилось лошадей. Я как раз подыскивал третьего конюха в конюшню.

– Что?! – воскликнула я, вскакивая со своего места так резко, что стул позади меня упал и перевернулся.

– Будешь чистить денники, убирать навоз, кормить лошадей, – скучающим тоном заключил он.

Я зависла на несколько секунд пытаюсь понять, шутит он

или говорит серьезно.

Чтобы я была конюхом?

– Ты издеваешься?

– Нет. Я буду тебе платить, скажем, пятнадцать долларов в час. Неполный рабочий день, суббота и воскресенье – выходные, в месяц выйдет около двух с половиной тысяч долларов.

Он хочет, чтобы я убирала лошадиное дерьмо! За две с половиной тысячи долларов! Да столько денег я тратила за один поход в ресторан.

Мой взгляд остановился на лице Челси, которая, явно забыв о раннем неуважении Фостера в ее сторону, коварно улыбнулась.

Нервно поведя плечами, я отошла к выходу из столовой. Дойдя до арочного прохода, развернулась, устремляя свой горящий взгляд на лицо Фостера, расправила плечи и гордо выпятила вперед грудь в потрясающем бежевом кружевном топе. Джеффри откинулся на спинку стула и задержал свой взгляд на моем лице. В его глазах заплясали огоньки торжества и предвкушения, он воспринимал все это как игру – шахматную партию, и явно ждал моего следующего хода.

– Я дочь Оливера Эванса и Хелены Эванс, внучка Арчибалда Эванса и Гвинет Эванс. Я наследница династии, которая десятки лет обеспечивает энергией несколько штатов, на моем фамильном гербе изображен красный кардинал, черт бы его побрал!

– Барбара Эванс – наследница династии, и это на ее гербе изображен красный кардинал, а Эрин Сваровски конюх в моей конюшне.

Я покачала головой, сжимая губы от досады.

– Я успешный дизайнер!

Смешок, вырвавшийся из его горла, сказал мне о многом, например, что он говнюк, придурок и мудака, ну и самую малость о том, что он не считает меня успешным дизайнером.

– Прости, ты подавился своим языком, или я сказала что-то смешное? – злобно прищурившись, спросила я.

– Да, я в курсе, что вы успешный дизайнер, мисс Эдвардс. Моя грудь неприятно сжалась.

Он сказал Эдвардс.

– Повтори.

– Говорю, вы делаете замечательные платья, *мисс Эдвардс*.

Совсем недавно я изготовила платье для одной актрисы Бродвея. На мой взгляд, она была туповата, ведь когда ее спросили о платье, она назвала журналистам мое имя неправильно. В результате фотографию ее, одетой в мое творение, напечатали на страницах глянца. Только все лавры получила некая Барбара Эдвардс, а не Эванс.

Я все еще злилась на эту актрисульку, ведь она испоганила мой шанс на славу. Но откуда Джеффри знает о том случае? Сомневаюсь, что на досуге он почитывает глянец.

– Да пошел ты, – угрожающе сузив глаза, фыркнула я.

Глава 7

Джеффри

Барбара схватилась рукой за мраморный косяк арочного прохода. Ее разъяренный взгляд блуждал по моему лицу, но был таким отстраненным, словно параллельно с этим своим убийственным взглядом она подыскивала варианты того, как обставить мою кончину.

Я буквально видел, как дымится ее голова, пока она размышляла об этом. И это чертовски забавляло меня, живот сворачивало от предвкушения, ведь я словно покорный зритель ожидал, какую сцену она отыграет следующей.

Барбара и раньше была немного драматична, многие ее эмоции были наиграны, ведь, как я и говорил, она прирожденный манипулятор, точная копия ее отца, правда лишена хладнокровной деспотичности Эванса. Но вернувшаяся Барбара отличалась от прежней, если прежняя только раскрывала в себе это искусство манипуляции, многого не понимая и действуя вслепую, то новая Барбара, по праву носит имя королевы манипуляции. И это заставляет меня лишь сильнее хотеть сбить корону с ее головы. Именно поэтому я предлагал ей работу конюха.

Но мисс Эрин Сваровски следовало поблагодарить меня, она ведь любит лошадей всем сердцем, поэтому работа не станет для нее сложностью. Куда лучше, чем драить туалеты.

ты на нескольких этажах офиса «Эванс-Фостер Энергетик» в центре города.

Пока мои мысли были где-то далеко, взгляд бессознательно опустился на ее грудь. Я сглотнул, жадно изучая светлую кожу и соблазнительные полушария в объятиях кружева. Член в штанах болезненно дернулся, я заерзал на стуле, усаживаясь поудобнее. Мой пульс участился, ведь мозг настойчиво подкидывал мне десятки картинок, и на каждой из них была огромная надпись «запрещено». Одна из таких иллюстрировала то, как я сбрасываю все предметы со стола, укладывая на него Барбару, вбиваюсь в нее по самые яйца и трахаю так долго и жестко, пока светлые волосы не спутаются, а ее кожа полностью не покраснеет от моих грубых ласк. Пока ее колени не будут дрожать от оргазма, звонкий пронзительный голос не сорвется в обессиленный шепот, а взгляд не перестанет быть таким ненавидящим и презрительным. Пока я не увижу, как из нее вытекает моя сперма, и не буду чувствовать на своих губах вкус ее киски.

Ох, это не предвкушение переворачивало мои органы, это была чистая похоть – желание к девушке, что посмела раздавить во мне все хорошее, что я старался выстроить ради нее.

Я резко вернул взгляд к ее лицу и до боли в деснах сжал челюсти. Я не должен желать этого. В моем распоряжении сотни женских тел, и парочка всегда под боком. Меня ничего не связывает с Барбарой Эванс кроме мести.

Пришлось заставить себя улыбнуться, чтобы замаскиро-

вать очередной прилив жара, пробежавший по моей коже, когда она упрямо выпятила вперед нижнюю челюсть и сжала губы.

Так дерзко и чертовски...

Соблазнительно.

– Я не буду работать конюхом и уж тем более не стану работать на тебя! – воскликнула она.

– На что же ты тогда планируешь жить?

Ее глаза в растерянности забегали по моему лицу, а в следующее мгновение Барбара вздохнула и, схватившись одной рукой за голову, пошатнулась, едва не падая на пол.

– Осторожнее! Ты ведь помнишь о муравьях? – усмехаясь уголком губ, спросил ее я. Черные зрачки расширились от страха, перекрывая голубую радужку. В доме не было муравьев, но я получал истинное наслаждение, когда ее манипуляции проваливались.

Я погорячился с королевой. Принцесса. Сильно переигрывает.

– Я не буду работать в конюшне! – складывая руки на груди, в очередной раз выдала она.

Поднявшись из-за стола, я сделал глоток кофе и направился к выходу из кухни. Барбара смотрела на меня снизу-вверх, ее подбородок был вскинут, ведь она хотела заставить меня поверить в ее непоколебимую уверенность.

– У тебя нет выбора, Барби. Или так, или ты останешься ни с чем, – объявил я, наблюдая за тем, как уголки ее губ

ползут вниз. – Приступай к работе уже сегодня.

Эванс понимала: я не шутил и не откажусь от своих слов. Поблажек не будет, только не для нее.

Уже через секунду Барбара умело спрятала от меня все переполняющие ее чувства, и свободное место по праву заняла чистая горячая ненависть, даже ее глаза, казалось стали ярче. Она смотрела на меня с таким сильным отвращением, что будь я чуть мягче, то непременно сжался бы от этого взгляда и захотел бы как можно скорее скрыться от него. Но мягкость – не про меня, поэтому я купался в лучах этой ненависти, наслаждался ее пышущим от ярости лицом и до побеления сжатыми губами. А еще старательно не замечал сильного и болезненного покалывания в груди, будто мои ребра терлись друг о друга.

Нет. Мне вовсе не жалко ее. Я делаю все правильно.

– Ты еще пожалеешь об этом, – холодным, словно сами воды Арктики голосом, сказала она.

Я скучаяще поправил свой галстук и взглянул на Челси, которая с яркой враждебностью и обидой на симпатичном лице молча наблюдала за нами.

– *Детка*, тебя подбросить до работы? – Я никогда не называл Челси деткой, я вообще не использовал уменьшительно-ласкательных прозвищ при общении с девушками, но глядя на то, как Барбара Эванс теряет всю свою показную уверенность, я готов был хоть сплясать.

Челси улыбнулась и довольно закивала головой, словно я

предложил ей не до работы ее подвезти, а стать моей женой. Мягко погладив ее спину, я повел подружку на выход, оставляя Барбару на кухне одну.

Далтон уже ждал нас на подъездной дорожке поместья Фостеров.

Когда машина тронулась, я первым делом достал планшет, чтобы проверить все схемы и графики по плану о зеленой энергии. Через пару недель мне нужно будет представить совету компании проект трехступенчатого перевода части мощностей компании на зеленую энергию. Солнечные батареи в свое время стали настоящим прорывом в области энергетики, однако многие по-прежнему отказывались от них, ведь это был не самый дешевый источник энергии. Когда я говорю о «многих» имею в виду толстопузых придурков, которые являются владельцами акций компании «Эванс-Фостер Энергетик и плевать хотели на экологическую уязвимость нашей планеты.

Чертовы жадные эгоисты!

– Джеффри, – позвала Челси, вырывая меня из глубоких раздумий.

И зачем я только позвал ее с собой?

– Да? – спросил я, не отрывая взгляда от планшета и графиков. Я думал, что мой тон, который буквально кричал о том, что я не желаю ни с кем разговаривать, остановит ее, но ошибался. Иногда Челси не видела рамок дозволенного.

– Не хочешь поговорить? – спросила она, открывая пачку

со странными сухими салфетками и прикладывая их ко лбу, носу и подбородку. Кажется, они матируют кожу или делают какое-то другое дерьмо.

Мечтаю.

– Нет. – Я даже не потрудился спросить, что именно она хотела обсудить со мной. Во-первых, мне было плевать, а во-вторых, я догадывался. Только тупой не понял бы, что речь пойдет о белокурой наследнице без денег, но с красным кардиналом на фамильном гербе.

Я не слышал ничего, кроме этого навязчивого шелеста упаковки салфеток.

Графики вдруг расплылись перед глазами, в голове возник один разговор из прошлого. Пять лет назад, я позволил себе вырваться в Солт-Лейк-Сити среди недели. Я забрал Барбару из дома и повез ее за город. Мы не делали ничего предосудительного, ведь тогда я старался вести себя как джентльмен и держал свои руки подальше от ее трусиков, а она в отличие от других девушек не стремилась насадиться на мой член уже после минуты разговора. Поэтому наши вылазки проходили очень цивилизованно и примерно, сама Мать Тереза выдала бы нам по медальке за поведение.

– Почему ты бросил плаванье? – спросила Эванс, шелестя упаковкой и облизывая пальцы после сырных палочек «Читос». Мой взгляд неотрывно следил за тем, как ее губы скользят по ставшим оранжевыми от крошек пальцам. Органы в самом низу моего живота свернулись в узел, я не мог спокой-

но наблюдать за тем как ее искусанные и чуть распухшие от наших ранних поцелуев и попадания в маленькие трещинки соли чипсов губы, плотно сжимая, соблазнительно скользят вверх-вниз.

Что она сказала? Плаванье. Да.

– Я долгое время занимался плаванием, чтобы добиться внимания отца. Иногда мне даже казалось, будто я разглядел в его глазах гордость, но за этим последовало затишье. И тогда я решил бросить, надеялся, что он начнет отговаривать меня, но он просто сказал «окей» и продолжил говорить по телефону.

– Это несправедливо, я имею в виду – ты так хорошо плаваешь, я люблю наблюдать за твоими движениями в бассейне.

– Так ты наблюдаешь за тем, как я плаваю? – усмехнулся я. Барбара замерла, несмело косясь взглядом в мою сторону.

– Я видела несколько раз, может чуть больше, – защебетала она, собираясь в очередной раз облизать пальцы, но я опередил ее, обхватил ее руку своей и втянул ее пальцы в рот, скользя по ним языком. Барбара словно под гипнозом с приоткрытым ртом наблюдала за моими действиями.

– В любое время, – ухмыльнулся я, когда ее пальцы были вылизаны дочиста. – Если хорошо попросишь, я даже могу скинуть свои плавательные шорты, думаю, тогда наблюдать станет в разы интереснее.

Эванс густо покраснела, краем глаза я заметил, как она

сжала бедра и ухмыльнулся. Я приблизился, собираясь поцеловать ее, но когда она раскрыла губы и потянулась ко мне, остановился.

– Может у твоего тела есть еще сладкие местечки, которые нуждаются в помощи моего языка?

– Ничего не хочешь объяснить мне? – с обвинением в голосе спросила Челси, вырывая меня из воспоминаний. Мое настроение моментально полетело к черту. Но я был в каком-то смысле благодарен Челси. Она не давала мне подолгу висеть в прошлом. Я не был властен над этим, всеми силами старался выбросить из памяти все, что было связано с *Ней*, но мое предательское подсознание само подкидывало картинки прошлого.

– Нет. Даже и не думай действовать мне на нервы. Я терпеть не могу капризных девушек.

– Но согласился взять в жены одну из них!

– Это сделка.

– Да? И с кем же ты заключил сделку? Барбара получает наследство, что получишь ты, потратив год на брак с ней?

Мои плечи напряглись, я отвернулся от Челси, ведь желание высадить ее из машины нарастало с каждым мгновением. Она нравилась мне, и была чертовски хороша в постели, но, кажется, стала забывать, что не была моей чертовой девушкой и не имела права расспрашивать меня о делах.

– Я не буду обсуждать детали сделки с человеком, который не имеет к этой сделке никакого отношения.

– Не имеет? Позволь напомнить, что мы вместе уже около двух лет. Мы спим, и я делаю все, что ты пожелаешь, как в постели, так и вне ее, мы вместе на праздниках, я была рядом с тобой, когда умер твой отец. Скажи, Джеффри, я все еще не имею отношения к сделке? – Мой взгляд остановился на зеркале заднего вида и лице Далтона, сосредоточенно наблюдающего за дорогой. Он всегда делал вид, будто не замечал того, что происходит в моей жизни, был декором, однако в нужный момент становился человеком, с которым я мог поговорить. Далтон был не просто водителем, он был кем-то вроде моего приятеля. Однако на работе он не переступал границ.

– Прекрати драматизировать, я никогда не обещал тебе того, что ты придумала в своей голове, это взаимовыгодное партнерство. – Машина подъехала к высотному зданию, принадлежащему «Эванс-Фостер Энергетик». Я подхватил свой планшет и вышел из машины. – Знаешь, что делаю два взрослых человека, когда партнерство больше не устраивает одного из них? Они разрывают это партнерство, Челси. Меня наше партнерство устраивает, пока ты молчишь. А тебя? – После этих слов, я закрыл дверь и позволил Далтону увезти Челси на ее работу. Надеюсь, она поняла меня, а даже если и нет, мне плевать. Как я и сказал, наше партнерство устраивало меня, но...

– Мистер Фостер. – Высокая девушка с третьим размером груди поприветствовала меня скромной улыбкой.

...Но если она не желает, на ее место придет новый партнер.

Эстер работала в отделе маркетинга моей компании, молодая двадцатипятилетняя красотка с карамельного цвета волосами и огромными зелеными глазами была ассистенткой начальника отдела. Несколько лет назад мы столкнулись в офисе у аппарата, который делает кофе, она никак не могла разобраться с ним, а ее дрожащие руки и губки от страха быть уволенной в свой первый день растрогали меня, поэтому я показал ей, как справиться с этим «монстром». Она была так признательна, что уже через два часа, стоя на коленях, глубоко, вернее, хорошо отблагодарила меня в темной коморке аналитического отдела, где я уже год был стажером.

– Эстер, – приветственно кивнул я и пропустил ее вперед через большие вращающиеся двери. Вместе мы пересекли огромный холл и, поздоровавшись с охранником и помощником на ресепшен, вошли в пустой лифт. Мой взгляд скользнул по изящному синему платью, обтянувшему тонкую талию и узкие бедра.

Именно этого мне не хватало. Девушки, которая не претендует на мое сердце, только на член.

– Отчет по бизнес-плану проекта зеленой энергии будет у вас на столе во второй половине дня, – чинно сообщила она, причмокивая накрашенными губами, глядя на себя в зеркальную панель на одной из стенок лифта.

Ее слова не сильно обрадовали меня, ведь отчет от

начальника маркетингового отдела нужен был мне как можно раньше, желательно вчера. Я должен как следует подготовиться, продумать каждый вопрос индюков на совете, чтобы точным ударом отбить их все и направить нашу компанию в светлое будущее, а заодно укрепить свое влияние среди старикашек с республиканскими закорюченными мозгами.

Двери лифта закрылись, и тогда Эстер отбросила деловое общение. Она подошла ко мне и смело положила руку на мой член, на красных губах появилась соблазнительная улыбка.

– А еще вместе с отчетом во второй половине дня на столе могу лежать я, – тихо протянула она, сжимая меня через брюки. – Голая, с широко расставленными ногами, как ты любишь Джеффри. – Эстер в прошлом занималась гимнастикой, жаль травма не дала ей продолжить карьеру, но шпагат у нее был отменный.

Я задумался на секунду. Ее идея была как нельзя кстати. Я был на взводе со вчерашнего, когда увидел Эванс без платья.

Черт!

Я не просто был на взводе, я проигрывал эту картину в голове снова и снова. Я ужасно спал, ведь стоило мне закрыть глаза, я видел, как она раздевается. Как сбрасывает свое платье, оставаясь в нижнем белье и на каблуках. Самое паршивое то, что меня ломало, словно наркомана от желания увидеть ее полностью обнаженной, без белья. Я завелся в тот момент, когда она коснулась пальцами пуговицы платья. И это желание едва не заставило меня совершить ошибку. Я

возжелал ее так сильно, что напряжение едва не порвало мои штаны.

Я собирался трахнуть Челси, снять это смертоносное напряжение, но когда увидел Эванс на пороге гостиной, увидел ее взгляд, направленный на меня, что-то сломалось во мне. Я сбросил с себя Челси и ушел из дома, ведь мне вдруг нестерпимо захотелось проветриться. Я вернулся после трехчасовой прохладительной поездки по городу, Челси все это время ждала меня, но когда я увидел ее в постели, вдруг разозлился. Я попросил свою подружку переночевать в другой комнате. Сегодня вдобавок она сумела испортить мне настроение, поэтому предложение Эстер было как нельзя кстати. Вот только была одна проблема.

– Вся вторая половина дня будет занята работой, – сообщил я, мягко отстраняя ее руку от своего отвердевшего члена. Вот только не она была причиной моего стояка, а воспоминания о светловолосой кукле.

Эстер прикусила полную губу и задумалась.

– Как насчет ужина с продолжением?

Да. Это мне больше подходило.

– После работы, – согласился я, одаривая девушку плотоядной ухмылкой. Эстер отстранилась от меня за секунду до того, как раскрылись двери лифта и к нам вошли люди.

Решено, сегодня вечером я сброшу это напряжение.

Глава 8

Барбара

Аппетит у меня пропал сразу, ведь сказанное Фостером сладкое и с придыханием «детка» по отношению к Челси едва не заставило меня вывернуть желудок прямо на ковер в столовой. Поэтому я решила не теряя времени отправиться в контору адвоката моего покойного отца.

– Я помню, как в десятом иннинге⁸ Раф сломал свое запястье, и мне пришлось выходить и играть за него вне очереди тренера. – Я сразу узнала голос Мейсона и нахмурилась, не понимая, с кем он разговаривает. А затем мой слух уловил возбужденный женский вздох, и все встало на свои места.

– Ты выиграл ту игру, Дикий Ангел? – спросил глубокий, чуть писклявый женский голос.

Мейсон хмыкнул, а затем последовал странный шлепок, сменяющийся глупым женским смехом.

Это совершенно точно был удар по заднице.

Отвратительно.

Я скривилась, оглядываясь на арочный проход в столовую, ожидая там появления Мейсона и его подруги.

⁸ Иннинг (англ. inning) – это определенный отрезок игры в бейсболе, в котором клубы по очереди играют в нападении и обороне.

– Блу Сокс потерпели поражение, а мой хоумран⁹ назвали одним из лучших за сезон, что важно для новичка.

– Это так заводит, Дикий Ангел, – послышался второй женский голос, отчего я удивленно округлила глаза.

Ну, надо же. Что-то мне это напоминает. Будто смотрю фильм, напичканный избитыми клише.

Троица вошла в столовую.

Мой взгляд медленно прошелся по фигуре Мейсона. На нем были потертые синие джинсы и черное поло с логотипом «Лакост». По обе стороны от него были девушки-брюнетки в очень откровенных платьицах. Мейсон замер в проходе, приобнимая обеих за талии и хмуро оглядел пустующую кухню и примыкающую к ней столовую, где и сидела я.

– Кажется, мы опоздали, все уже позавтракали, – скучающе произнес он. Его голос, понизившийся на пару октав, говорил о легкой степени опьянения, а недовольное выражение лица о внутреннем раздражении. Стоит сказать, что последнее проявилось в тот момент, как он заметил меня в столовой. Видимо, надеялся, что я уже уехала.

Я поднялась со стула и, сложив руки на груди, ехидно усмехнулась.

– Следуешь по пути, протоптанному твоим братом еще пять лет назад?

– Нет, ведь тогда мне пришлось бы отбить его девушку,

⁹ Хоумран – удар в бейсболе, отправляющий мяч за пределы поля и позволяющий бэттеру пробежать через все базы и вернуться в дом.

лишить ее девственности, трахать ее за его спиной, а затем вынудить уехать из города. А Челси давно не девственница, и не в моем вкусе, знаешь ли. Да и потом, сюжет, где мотивация героя месть? Я не настолько мелочен, – бросил он, занимая один из свободных стульев за столом.

– Челси его девушка? – недоуменно спросила я, ведь ранее мне показалось, что она кто угодно, но точно не его девушка.

– Забавно, что из всего сказанного ты зацепилась за это.

– Просто мне не показалось, что они сладкая парочка, он слишком неуважителен к ней, вот и все. Ты знаешь, как сильно я не люблю неосведомленность.

– Знаю, – безразлично бросил он. – Как назвать ту, с которой он периодически спит? – спросил Мейсон, набрасываясь на корзину с булочками. От его явно риторического вопроса я почувствовала тяжесть в животе.

Две подружки Мейсона, не сводя с меня враждебного взгляда, сели по обе стороны от него. У одной из них были мешки под глазами размером с Великие озера, ее огромная грудь едва не лежала в тарелке бейсболиста, хотя, предполагаю, что подобный вариант развития событий не сильно смутит бы его. Вторая девушка явно переборщила с макияжем и после горячей и веселой ночи была похожа на панду. Ее декольте было не таким глубоким, как у первой, но все компенсировало безумно короткое платье.

Бейсбольные Энни¹⁰. Так выглядело отчаяние.

¹⁰ Бейсбольная Энни – бейсбольная болельщица, чей интерес к этому виду

– Мейсон, ты ведь не хочешь, чтобы она присоединилась к нам? – тихо, но так, чтобы я точно услышала, спросила одна из них.

– Билетик на этот поезд я сдала в кассу еще пять лет назад, со скандалом, поэтому связываться с этим перевозчиком вновь я не намерена. – Ответила я, улыбаясь той самой любопытной Энни.

– Почему ты все еще здесь, Барбара?

– Я выхожу за твоего брата.

Если, конечно, не верну свое наследство без этого.

Мейсон облокотился на стол. Ему не понравились мои слова, однако он попытался улыбнуться уголком губ, что выглядело пугающе. Чертов Дикий Ангел во всей своей красе. Однажды он ударил папарацци за то, что тот тыкал в него объективом своего фотоаппарата.

– И как тебе удалось уговорить его? Я думал, Джеффри ни за что не пойдет на это.

– Ну, я просто была рождена парламентаром. – Я ни за что не расскажу о том унижении, которому подверглась в кабинете его брата.

– Ты была рождена не парламентаром, а симулянткой и манипулятором.

Я пожала плечами.

– Одно другому не мешает.

Манипулятор, холодная и черствая, эгоистичная, бесчув-

ственная стерва. Я помнила каждое слово, которое он подарил мне на прощание. Тогда это сильно обидело меня, задело до глубины души, но сейчас я не держала зла на Мейсона. В восемнадцать я не понимала, что быть холодной и черствой, манипулятором, эгоистичной и бесчувственной стервой – это не недостаток, это гребаное достоинство. Привилегия. Этот мир съедает слабых, не брезгуя даже костями. Я не настолько глупа, чтобы быть съеденной.

– И ты ни на секунду не задумалась о старых обидах на моего брата? – спросил Мейсон.

– Это мелко хранить обиду на бывших целых пять лет, не считаешь? – слегка прищурив глаза, поддела я Мейсона. На его гладковыбритых щеках заиграли желваки.

– Смотря, что сделали бывшие.

– Это в любом случае мелко. Я не держу обиды ни на тебя, ни на Джеффри.

Я лгала, черт возьми. Если книгу под названием «Мейсон Фостер» я закрыла практически сразу, то огромный том с именем «Джеффри Фостер» мне хотелось бросить в полыхающий костер, наблюдать, как трещит и обугливается переплет, шелкает от жара кожаная обложка, а страницы превращаются в пепел, но почему-то я все еще крепко прижимала этот томик к груди, будто он прирос к ней.

– С чего бы тебе держать обиду, это ведь ты играла с нами?

Да-а, если бы он узнал о том, что вчера сотворил со мной его брат, то не говорил бы так.

– Хватит, я так устала от этой болтовни, – бросила одна из Энни, спускаясь под стол и располагаясь между колен Мейсона. Послышался звук расстегивающейся ширинки и шорохи одежды. Вторая Энни запустила руку под поло Мейсона, отчего мне стала видна часть его накаченного живота.

Мейсона хотели и почитали, но стоя прямо перед ним, я совсем ничего не чувствовала. Немного приятной ностальгии: походы в кино, разговоры о загадках космоса, споры о том кто сильнее: стая Велоцирапторов или один молодой Тираннозавр. Но при этом я не помнила ни одного поцелуя, ни одного импульса, что заставил бы меня содрогаться от потребности в его ласках. Мы могли бы остаться друзьями, у нас так хорошо выходило дружить, но Мейсон не захотел этого, и я не могла винить его.

Я понимала, что его член уже во рту нетерпеливой Энни, слышала все эти неприличные звуки, пока Мейсон, откинувшись на спинку стула, смотрел прямо на меня, и решила, что это самый подходящий момент, чтобы уйти. Мне много еще о чем хотелось расспросить его, например об их отце и о Джемме, но сейчас он явно занят более важным делом.

– Увидимся, Мейсон, – бросила я, покидая столовую Фостеров.

Я сидела в огромном кабинете Гаррета Ханта и наблюда-

ла за стрелкой на часах, прибитых к стене позади его спины. Я быстро добралась на такси до адвокатской канторы в самом центре города. Мне повезло, ведь Гаррет не был занят и принял меня в своем кабинете. Личное пространство Гаррета выглядело неплохо. После всех этих новомодно оформленных кабинетов увидеть нечто в стиле «ретро» было удивительно для меня.

Здесь приятно пахло книгами и кофе, большое, обтянутое кожей кресло в котором я сидела было чрезвычайно удобным. Гаррет в принципе был приятным и располагающим к себе человеком, а то, как он постоянно поправлял очки, было и вовсе забавным. Но это все, что я сочла хорошим для себя. Я цеплялась за каждую деталь, надеясь, что это хоть немного смягчит то, что сказал адвокат моего покойного отца.

– Я понимаю ваше недоумение и возмущение...

– Гаррет, недоумение и возмущение обычно чувствуешь, когда надев новые туфельки от «Ив Сен-Лорана», не пройдя и ста метров, у тебя ломается каблук. Как видите, мои каблуки целы, чего не скажешь о моем терпении, я, черт возьми, в ярости!

Адвокат вздохнул и убрал очки с лица, а затем потер переносицу и сочувственно взглянул на меня.

– Ваш отец был в здравом уме, у меня не было ни одного повода сомневаться в его вменяемости, до самой смерти он стоял у правления компании и делал свою работу на том же уровне, что и раньше. Завещание составлено чет-

ко, никаких лазеек, никаких спорных моментов. Единственная неточность касается пункта с Фостерами. Формулировка гласит о том, что вы должны выйти за наследника Дэниела Фостера, но имя наследника не указано, поэтому это может быть любой из сыновей Дэниела, даже тот, с кем вы никогда не встречались.

– Да-да, я может, и кажусь глупой на первый взгляд, но на самом деле я вовсе не такая. Я подумала об этом в первую же минуту после оглашения завещания, но, к сожалению, Дэниел успел изменить Джемме лишь раз, о других случаях я ничего не знаю. У него два сына, а если где-то есть и третий, то мне никак не найти его, – фыркнула я, поднимаясь из кресла и останавливаясь напротив огромного окна. Погода была просто восхитительна сегодня, солнце заливало светом весь город, и меня бесконечно раздражало это странное погодное ликование.

Черт, и не стоит говорить так о Дэниеле и Джемме. Барбара имей совесть!

Я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами, но быстро сморгнула их, мне не хотелось портить макияж, ведь сегодня я очень красиво надела глаза. Жаль, что сдержать боль, наполняющую мою грудь, также виртуозно как слезы было невозможно.

– Он обошелся со мной как с племенной кобылой. Кто поступает так в двадцать первом веке, это ведь пахнет рабством? Да и выбрал тех мужчин, с кем я, мягко говоря,

не в ладах.

– Он хотел как лучше, думал о вас.

– Нет, он не умел думать о других, он думал только о себе, – огрызнулась я, аккуратно смахивая слезинку, которая все же смогла пробиться сквозь выстраиваемый барьер. – Я совершенно не понимаю его мотивов. Зачем он сделал это, хотел наказать меня за годы бегства, хотел, чтобы я страдала за то, что заставила его мучиться от неосведомленности?

– Оливер никому не говорил этого, но он с самого начала знал, что вы проживаете в Нью-Йорке.

– Что? – изумилась я, оборачиваясь. Если он знал, где я нахожусь, почему ни разу не обмолвился об этом в разговоре? А после того, как я оборвала с ним всю связь, почему не нагрянул в попытках вернуть меня домой?

Какой-то абсурд.

– Почему же тогда мне не сообщили о его кончине?

– Потому что о вашем местонахождении знал только ваш отец, он никогда не говорил где вас найти, по крайней мере, мне. Я попросту не знал, как связаться с вами.

– Да-да-да, мой новый номер был только у отца и кузины, я меняла квартиры, а в единственном журнале меня прославили под другой фамилией, – пробормотала я, закатывая глаза. – Интересно, а знают ли другие мои родственнички о смерти отца, или они настолько погрязли в обидах друг на друга, что объявили себя чужими людьми?

– Послушайте, мисс Эванс, в завещании говорится лишь

о том, что вы должны вступить в брак. Вы можете заключить соглашение с одним из братьев, оформить официальный брак и вернуться к своей жизни.

– Это единственное, что мне остается, – уныло отозвалась я. Вот только мне некуда возвращаться, ведь я на мели.

Еще какое-то время мы поговорили с Гарретом о моем отце. Несмотря на мою обиду, мне хотелось узнать, как он жил все эти пять лет. И откуда взялась эта злополучная болезнь. Гаррет уверял меня, что отец очень скучал по мне, но я не была согласна с этим, ведь действия моего покойного папы говорили об обратном.

Пейсли, после того как была уличена во лжи и выставлена из дома моим отцом, преследовала его все отведенные ему годы. Она пыталась вернуться назад, ведь эта женщина была неприспособлена к самостоятельной независимой жизни. Пару раз отец даже давал ей денег, только бы она отстала от него, но Пейсли приходила снова.

После моего отъезда отношения Дэниела и папы пошатнулись, однако двое друзей не перестали общаться.

Дэниел умер в результате несчастного случая на охоте. После смерти главы семейства Фостеров все ожидали, что право управления частью компании, как и крупный пакет акций, перейдет Мейсону. Что ж, они ошибались, ведь компанию Дэниел оставил Джеффри.

У меня были еще сотни вопросов, но у Гаррета была работа и я не могла засиживаться в его кабинете весь день, по-

этому попросившись, я покинула адвокатскую контору.

Я бродила по центральному парку, раздумывая о своих дальнейших шагах. Моя скромная квартира, которую я была вынуждена снять после того, как финансы неизбежно истощались, оплачена на полгода вперед, а вот мой магазин... Когда я не смогла оплатить аренду, мне пришлось все закрыть. Теперь вся мебель, что я покупала в бутик, стояла в моей маленькой гостиной, как и некоторые платья и инструменты. Думаю, мой магазин стал последней каплей, ведь до него я старалась отгонять от себя мысли о возвращении. Так что мне действительно было некуда возвращаться.

Я вынуждена прибегнуть к плану «Б». Фостер думает, что сделает это время для меня невыносимым, но он ошибается. Это я сделаю свое пребывание в его доме невыносимым для него. Но об этом я подумаю чуть позже, а пока мне нужно наведаться в особняк и забрать свою старую одежду. Да, я не могу вернуться туда, но даже если меня поймают, не посадят же меня за решетку, в самом деле?

Глава 9

Джеффри

– Так ты не планируешь возвращаться? – спросил я, скушаяще постукивая пальцами по столу. Мама издала короткий смешок – до безумия глупый и так не свойственный ей.

– Я планирую как можно дольше отдыхать на солнышке и не видеть унылых лиц зануд Солт-Лейк-Сити, – пропела Дорис, по всей видимости, вытягиваясь в струнку на шезлонге у бассейна пятизвездочного премиум отеля. – Есть какие-нибудь новости?

Я усмехнулся, узнай мама, что в моем доме теперь живет Эванс, пришла бы в ярость, именно поэтому я решил утаить от нее этот факт.

– Нет, особняк, компания, город – все по-прежнему такое же унылое и совершенно не стоящее твоего внимания.

Она самодовольно хмыкнула, что было куда больше похоже на мою маму.

– Тогда не стоит больше спрашивать меня о возвращении, и, медвежонок, я буду ждать хороших новостей.

– Например?

– Например о том, что мой мальчик теперь по праву занимает пост генерального директора энергетической компании. Кстати ты не думал сменить ее имя?

– Об этом рано говорить, но я работаю над тем, чтобы это

свершилось, – коротко бросил я, а затем, попрощавшись с мамой, отключился.

Стоило спрятать телефон, как я поймал на себе осуждающий взгляд Эстер.

Ну что сказать, мама – единственный человек в моей жизни, чья судьба меня волнует не меньше собственной, и не существует ничего, что я посчитал бы важнее разговора с ней.

– Так на чем мы остановились? – как ни в чем не бывало, спросил я свою спутницу.

Эстер протянула мне маленький пульт управления и кокетливо улыбнулась.

– Ты можешь управлять штукой, которая сейчас во мне, – сказала она, поправляя свои карамельные волосы.

Я оглянулся по сторонам. Столько важных людей собралось в ресторане в этот вечер, и это неудивительно: итальянская кухня, две звезды Мишлен, живая музыка, сдержанный и утонченный интерьер влекли самых состоятельных людей Солт-Лейк-Сити в это заведение.

После работы мы, как и договаривались, отправились на ужин, который к сведению был лишь формальностью, прелюдией к сексу, обычно я так не делаю, но сегодня мне хотелось еще и поговорить с Эстер, выведать у нее все тайные ее босса. Но я никак не ожидал, что она придумает нечто интересное для нас. Хотя Эстер всегда была изобретательна. Однажды я проводил переговоры по одной сделке с экологами из Колорадо, пока Эстер сидела под столом с моим членом

в ее глотке. Я не мог кончить до конца разговора, а сделка в итоге не удалась, чертов совет, который был капканом на моей лодыжке, блокировал каждое мое решение и не позволял мне управлять *моей* компанией.

– Джефри, эта штука просто потрясающе ощущается во мне, не так хорошо как твой член, но все же, – прошептала она, постукивая тонкими пальцами по столу. Мой взгляд задержался на ее аккуратных ногтях розового цвета, странное чувство дискомфорта подобралось к моей груди.

Розовый. Просто розовый цвет, так какого черта тебя это напрягает? Розовый не принадлежит *Ей*. Но почему тогда в эту минуту меня посетила мысль, что никто кроме *Нее* не может использовать этот цвет, и я даже готов был отстаивать это ее право быть единоличной владелицей розового.

Совсем свихнулся с этой работой, нужно чаще отдыхать, а то моя голова генерирует бредовые мысли.

Я натянуто улыбнулся, когда в очередной раз поймал на себе затянутый вуалью похоти взгляд Эстер, а затем, не отрывая взгляда от ее лица, нажал кнопку на пульте, сразу выставляя среднюю интенсивность вибрации. Эстер вздрогнула и прикусила полную губу, подавляя стон. Ее рука вцепилась в мою руку, розовые ногти впились в кожу. Вместо ожидаемого удовольствия, действие Эстер почему-то моментально подняло во мне волну раздражения. Я аккуратно сбросил ее руку, и тогда она схватилась за край стола.

Да что за чертовщина со мной происходит?

К столику подошел официант с бутылкой заказанного нами ранее вина.

– Девушке вино, мне не нужно, – сказал я, даже не потрудившись прикрыть пульт от вибратора.

Парень наполнил бокал Эстер, она выдавила из себя улыбку, пытаясь справиться с мучительным удовольствием, наполняющим ее тело. Вибрации слышно не было, поэтому никто ничего не замечал. Официант удалился, и я снова взглянул на извивающуюся на стуле девушку, которая уже едва не прокусила до крови губу. Ее щеки покраснели, а на лбу, кажется, выступила испарина.

Она сидела прямо передо мной, в невероятном шелковом платье – черт знает, когда она успела подготовиться, если в ресторан мы поехали с работы – с вибратором внутри нее, который был полностью под моим контролем, но почему-то я не чувствовал азарта и возбуждения. В моих штанах было спокойно прямо как в море после бури.

Я снова нажал кнопку на пульте, прекращая страдания или наслаждение Эстер, а затем кивнул на пока еще пустую тарелку перед ней.

– Сначала ужин, не хочу, чтобы ты подавилась ризотто.

Мы поужинали, и это немного исправило ситуацию. Я был расслаблен, и мы возобновили нашу маленькую игру со штукой внутри Эстер. После ужина мы хотели отправиться в отель неподалеку, чтобы наконец приступить к десерту, но меня отвлек звонок от Далтона. Я сбросил вызов от водите-

ля, но он позвонил снова. Выходя из ресторана на свежий воздух, я поднес телефон к уху.

– Что за срочность, Далтон? Я думал, мы договорились, что на сегодня ты свободен, – сказал я, придерживая дверь для Эстер.

– Джеф, здесь кое-что стряслось, – начал Далтон, и его тон мне уже не понравился. – Я тут зашел к Кали в полицейский участок... – Кали – так звали сестру Далтона, они были двойняшками и когда-то вместе отучились в полицейской академии, они мечтали о работе в полиции, мечтали стать такими же, как их отец, но после его загадочной смерти Далтон свернул с намеченного пути, чего не скажешь о Кали. – И в изоляторе увидел твою девушку.

Я нахмурился, замирая и обдумывая то, что только что сказал Далтон. У меня не было девушки.

– Ты о Челси? – спросил я, стараясь погасить нарастающее беспокойство. Но волновался я вовсе не из-за Челси, ведь она не из тех, кто способен попасть за решетку. А вот кое-кто другой, кто так часто любит находить проблемы на свою сексуальную задницу – мог.

– Нет, я об Эрин Сваровски.

Я остановился, почувствовав болезненный импульс в районе солнечного сплетения. Сотни мыслей, одна ужаснее другой, заполнили мою голову.

– С ней все в порядке?

– Да, она цела и невредима, но она под арестом.

Я выдохнул. По крайней мере, в нее никто не стрелял, она никуда не врезалась на угнанной машине, ее не похищали ма-
ньяк. Арест легко решаемое дело.

– Что она натворила?

– Пробралась в дом – в свой дом, где ее и поймали. Ока-
зала сопротивление при аресте, поцарапала лицо офицеру, а
другого оскорбила.

Я тяжело вздохнул и потер переносицу.

– Сбрось мне адрес, я скоро буду.

Полицейский участок находился недалеко от центра горо-
да. Потребовалось пять минут на такси, чтобы добраться сю-
да. Не успел я сесть в машину, как рядом опустилась и Эстер.
Мне не понравилось это, но времени выяснять отношения и
выгонять ее из такси совершенно не было. Поэтому она при-
ехала на место со мной.

Мое сердце совершенно странным образом колотилось
всю поездку, но не потому что я волновался. Нет. Черта с
два я буду волноваться за нее. Я просто мечтал поскорее соб-
ственноручно придушить Эрин Сваровски, потому что она
совершенно неугомонная, приносящая проблемы, непокор-
ная кобылица, которая..., *черт!* Все же заставила меня вол-
новаться!

– Джефри, может, ты объяснишь, что мы здесь делаем? –
недовольно кривя свои накрашенные губы, спросила Эстер.
Я махнул рукой, призывая ее немедленно заткнуться.

– Я говорил тебе, что свидание окончено, – грубо бросил

я, направляясь к зданию полицейского участка. Эстер, стуча каблуками о каменную дорожку, едва поспевая, бежала за мной.

– Окончено? Когда парень, с которым ты только что поужинала, вдруг срывается и уносится в полицейский участок, тебе захочется услышать хоть какие-то ответы.

Я проигнорировал ее и вошел в здание. Далтон стоял у самого входа, он провел меня к некому подобию стойки, за которой сидела полноватая женщина.

– Барбара... вернее Эрин Сваровски, где она? – не расшаркиваясь на банальное приветствие, спросил я.

Женщина окинула меня скептическим взглядом.

– А кем она вам приходится?

– Моя невеста.

Эстер рядом со мной едва не подавилась воздухом.

– Невеста? – переспросила она, ее взгляд перескакивал от моего лица к лицу Далтона, словно мой водитель тире приятель знал все тайный моей личной жизни.

– Невеста? – вторила ей женщина за стойкой, и в этот момент я почувствовал себя в гребаном театре абсурда. Или в ситкоме.

– Да. – Кем еще я мог ее назвать? Мы не были друзьями, мы не были любовниками, но после того, как я дал свое согласие на брак, она обрела статус моей невесты.

Женщина заглянула в учетный лист перед ней и покачала головой, словно не собиралась отдавать мне Эванс назад как

можно скорее.

– Давайте договоримся по-быстрому, – сказал я, вытаскивая телефон. Был у меня один контакт, который в числе прочего достался мне по наследству от отца. Я все решу, вызволю чертову Эванс из-за решетки и прикончу ее.

– Она сказала, что ее жених умер, и нет никого, кто смог бы забрать ее, – объявила женщина, заставляя меня замереть с телефоном в руках.

– Умер?

– Страшная авария, его разрубило пополам прямо в... ну, чуть ниже пояса. Его член нашли в пятистах метрах от места аварии. Должно быть, дикие животные растащили, все ведь произошло за городом.

Далтон, стоящий рядом со мной не смог сдержать смешка, но когда я взглянул на него, он вскинул руки, как бы говоря, что он тут совсем ни при чем. Он и был ни при чем. Ведь он не Эрин Сваровски, которая обладает поистине богатой фантазией.

– Я хочу увидеть ее, – сказал я, пряча телефон в карман джинсов.

Женщина кивнула, и меня проводили к изолятору, где сидело сразу несколько девушек. Чернокожие и латиноамериканки, а среди них все в том же бежевом кружевном топе и свитере на молнии, с растрепанными волосами и размазанным макияжем сидела Эрин Сваровски. Но каково же было мое изумление, когда на ее лице я заметил не слезы, страда-

ния и адские муки, а улыбку. Она улыбалась, словно находилась на курорте, а не в полицейском участке.

– Это не первая моя отсидка, да... – рассказывала она женщинам, которые замерли и внимательно слушали ее. – Я бывала и в худших ситуациях, приходилось бежать, скрываться на угнанной тачке, а в спину летели пули, копы были на хвосте, и мой напарник...

– Которого звали Джейсон Стэйтем¹¹, – перебил я ее, подходя ближе к решетке. Все семь женщин и Барбара взглянули на меня, на Эстер, стоящую позади, и полицейского рядом со мной.

Барбара вскинула брови, на секунду в ее глазах показалась искренняя радость, словно она молила бога о моем появлении. Но эта маленькая радость исчезла слишком быстро, а на ее место пришло раздражение.

Эванс подошла к решеткам, мы были в шаге друг от друга – слишком близко, если не считать преграды между нами в виде прутьев.

– Что ты здесь забыл?

– Это очевидно, разве нет? – ответил я, кивая на камеру.

Она сжала пухлые губы и вскинула подбородок, и я солгу, если начну уверять, что это не отразилось покалыванием в моем животе.

– У меня все под контролем.

Я не смог скрыть едкой насмешки. Есть у этого всего пре-

¹¹ Джейсон Стэйтем – британский актер, известный по ролям в экшн-фильмах.

дел? Любая бы на ее месте уже упрашивала вызволить ее, но Барбара была другой, и точно выбивалась из ряда стереотипных блондинок. Мне никак не удавалось понять, как она выдерживает груз трудностей жизни, собственной надменности и упрямства, не сгибаясь ни на йоту.

– Так вот как выглядит контроль? – спросил я, задумчиво проводя пальцем по железу между нами. – Я просил тебя быть пайнкой, Барбара.

– Но я ведь не сделала ничего плохого.

– Тебя арестовали!

– Скажи спасибо за то, что я разнообразила твой скучный вторник.

Непробиваемая.

– Джефри, – позвала меня Эстер, и Барбара, изогнув шею, взглянула мне за спину. Ее глаза придирчиво оглядели мою спутницу, а затем Эванс едва заметно вскинула бровь и поджала губы. Если за пять лет ее невербальные жесты не изменились, то я бы сказал, что она испытывает недовольство, граничащее с ревностью. И мне хотелось бы проверить свою догадку, но я буду последним мудаком, если нагло воспользуюсь всей этой ситуацией. Как бы сильно мы не недолюбливали друг друга, светловолосой кукле здесь не место.

– Тебя никто не держит, уходи, Эстер, – бросил я, даже не обернувшись к девушке, с которой сегодня собирался переспать. Вместо этого я смотрел в глаза той, с кем совершенно точно никогда не буду спать, а она смотрела в мои глаза.

Нечто странное не давало нам обоим отвести взгляда. В моей голове возникла бредовая мысль податься вперед и коснуться ее губ, чтобы узнать, по-прежнему ли они сладкие и мягкие как пять лет назад.

Простой интерес, ничего более.

– Никто не держит? – заверещала Эстер, не беспокоясь о свидетелях ее странной истерики, которую мне еще ни разу не доводилось видеть. – Если ты не забыл, я кое к чему готовилась и мне нужна твоя помощь вечером.

Я вздохнул и первым отвел взгляд от лица Эванс. Затем достал из кармана брюк телефон и отправил Эстер сообщение с коротким номером.

– Что это? – спросила она через секунду, когда прочла мое сообщение.

– Номер гребаной больницы, если ты не в состоянии самостоятельно вытащить из себя вибратор, – сказал я, обращаясь к ней. Вокруг нас раздались изумленные возгласы, Эстер сначала стала белой, словно лист бумаги, а затем побагровела от стыда и злости.

Она подошла ко мне и попыталась ударить меня, но я успел поймать ее руку.

Возгласы стихли.

– Так перенапряглась, – безэмоционально заметил я. – Он все еще не вылетел из тебя?

– Да пошел ты! – Эстер отшатнулась от меня и убежала.

Я несколько секунд смотрел ей вслед, раздумывая, не был

ли я слишком груб с ней. Что-то мне подсказывает, что с Эстер у нас секса больше не будет.

Глава 10

Джеффри

– Кажется, подружку ты потерял, – скучающе сказала Эванс, обхватывая руками железные прутья.

– Не переживай у меня есть еще парочка.

– Фу! Ты отвратителен, – брезгливо сморщив маленький нос, ответила Эванс. Я пригляделся к ее лицу. Что-то изменилось, помимо появившихся выразительных скул и уменьшившихся щек, ее лицо выглядело по-другому, но я не мог понять, что именно изменилось.

– Не так отвратителен, как клетка, в которую тебя посадили. Это что там, рвота? – кивнул я на дальний угол. Барбара оглянулась, но уже через секунду вернула взгляд к моему лицу. Она недовольно поджала губы, привлекая к этому маленькому жесту все мое внимание.

Черт, кажется, они не были такими розовыми пять лет назад.

– Этот клоунский грим так тебе к лицу, – восхищенно пропела Эванс. – Давно на себя в зеркало смотрел?

Усилием воли я перевел взгляд на ее глаза, кончик языка, скользящий между ее губ, пока она говорила, породил странное тепло внутри меня.

– Недавно, а вот ты, видимо, впервые в жизни забыла. Что случилось с твоим лицом?

– Оно становится таким, когда я вижу тебя, ведь моя ненависть так сильна, Джеффри, что я едва контролирую себя, чтобы не вогнать тебе заточку между ребер. – Губы Барбары растянулись в улыбке, но она исчезла, стоило полицейскому за моей спиной издать неодобрительный возглас и окатить ее хмурым предупреждающим взглядом. – Простите, – сказала она глядя на офицера, – у меня нет заточки.

Я позволил себе маленькую дерзость – заправил спутанный локон светлых волос ей за ухо.

– Теперь понятно, почему ты похоронила меня, – сказал я, неприлично долго задерживая свои пальцы на ее щеке. Барбара не отстранилась, позволяя мне гладить ее кожу. Ее щека была сухой и холодной. Она замерзла, но не показывала этого.

– Я не хоронила, ты просто умер и пропал, похороны дорогая штука, а ты даже быть сожженным в лесу среди автомобильных покрышек не заслужил.

Я отошел от решеток и громко сказал:

– Ну что ж, дорогая, я воскрес, чтобы забрать тебя из тюрьмы. Вернее я хотел этого, но теперь вижу, что ты прекрасно вписалась в это место, даже стала его украшением.

Ее глаза угрожающе сузились, но помимо угрозы я заметил там промелькнувший страх. Она думала, что останется за решеткой. Хоть эти секунды ее страха и приносили мне удовольствие, я совершенно точно не собирался оставлять ее в изоляторе. Кто же будет чистить лошадиные денники?

– Дорогая? Я думала, твой женишок умер, – вдруг спросила полноватая латиноамериканка за спиной Барбары.

– Да, машина перебила пополам, не так ли? – издевательским тоном спросил я, упирая свой убийственный взгляд в Эванс. Но Барбара ни капельки не смутилась. Уголки ее губ поползли вверх, лицо окрасила милая и безобидная улыбка, тогда как глаза были единственным отражением дьявольского огонька в ней. Мой член моментально среагировал на это.

Черт.

Я ведь почти не думал о сексе, пока ужинал с Эстер, но стоило мне раз увидеть взъерошенную Барби, и мои яйца забили в гонг.

Она изменилась не только внешне, совершенно очевидно, что Барбара не та маленькая девочка, которая действовала наощупь, вслепую, какой была в свои восемнадцать, конечно, она все еще драматична, наивна, но вместе с тем дьявольски коварна. Опасная, но такая притягательная комбинация. Именно поэтому мне стоит контролировать желания.

– Нет, он изменял ей, занимался сексом в лодке с ее лучшей подругой посреди озера, и их убило молнией, – сказала другая женщина, которая тоже была в этом изоляторе.

Что за черт?

– На все кара божья.

– В точку.

– Отец наш все видит.

– Аминь, сестры, – протянула Барбара, не отрывая искря-

щегося взгляда от моего лица.

Что ж, она придумала две разные истории, в которых я мучительно умирал. Я подмигнул ей и, не говоря ни слова, направился к выходу. В молчании она продержалась ровно пять секунд.

– Джефри, стой! – Кажется, я расслышал в ее голосе нотки отчаяния.

– Да, *милая*? – спросил я, глядя на нее через плечо.

– Вытащи меня отсюда.

– Что ты сказала?

– Вытащи меня из этой клетки, – заворчала она. Я усмехнулся и обернулся к ней всем телом.

– Думаешь, стоит, ты хорошо устроилась, даже сестер нашла.

Светлый локон упал на ее лоб, она устало сдула его.

– Хватит, просто дай мне выйти, я не выдержу здесь больше ни минуты. Я хочу в душ и очень сильно хочу есть, – тихо сказала она. Улыбки больше не было на ее лице, и тогда я увидел настоящую Барбару, ту, что не играла. И эта настоящая Барбара выглядела до чертиков уставшей.

– Я бы вытащил, но вот незадача, я же умер.

– Молния убила лишь Челси.

– Правда? Значит, я выжил после удара молнии? – спросил я, направляясь к выходу и собираясь вызволить ее как можно скорее, ведь ее изможденный вид отразился в моей грудной клетке странной ноющей болью.

После удара молнии не выживают. Это я уяснил еще пять лет назад.

– К сожалению, – прорычала она, думая, что я не услышу.

– Еще слово и вместо того, чтобы вытащить твою задницу из-за решетки, я принесу тебе зубную щетку, и ты будешь всю ночь драить унитазы в участке.

Она упрямо выпятила вперед подбородок.

– Попробуй, но не могу гарантировать, что после этого щетка не окажется в твоей ванной, Фостер.

– Я весьма избирателен, когда подношу что-то ко рту, чего не скажешь о тебе, – грубо бросил я. Воспоминания пятилетней давности снова завладели моим сознанием. Ухмылки Мейсона, пока он рассказывал о Барбаре в его постели и наша с ним драка.

– Это еще что значит? – крикнула она, но я уже не слушал ее, а вместо этого набирал номер того самого человека, который способен быстро и без бюрократии освободить ее.

Барбару выпустили через полчаса. Сложив руки на груди и гордо вскинув голову, она шла к машине Далтона, которого мне пришлось попросить остаться, чтобы отвезти нас домой.

– Барбара, рад, что тебя все же вызволил твой друг, – я обернулся, замечая очередного представителя порядка. Это был молодой офицер полиции, высокий и подтянутый. Но откуда он знает Барбару и почему, черт возьми, он радуется, что ее вызволили?

– Жених, – поправил его я, хмуро наблюдая за тем, как

Барбара останавливается, чтобы улыбнуться ему. Ее свитер сполз с плеча, являя офицеру тонкую бежевую бретельку, он не упустил момента и начал в открытую пялиться на нее: на ее обнаженное плечо и показавшуюся ключицу. Я неосознанно подался вперед, мне вдруг захотелось выколоть глаза этому парню в полицейской форме, чтобы он не смотрел так на нее.

– Офицер Ридли, благодарю, это был самый осторожный арест в моей жизни. – А затем, подумав, она добавила: – вообще-то это был единственный арест в моей жизни, но этот опыт был полезен для меня. Спасибо, что не дали тому толстяку трогать меня своими потными ладонями и простите, что обозвала вас идиотом.

Значит вот тот парень, который повязал Барби за проникновение в собственное жилище, вернее, второй из тех парней. И когда только она успела подружиться с ним?

Ридли бросил на меня подозрительный взгляд.

– Жених? Ты же сказала, что ему оторвало голову, когда он ремонтировал комбайн.

С губ Эванс сорвался смешок, но она мгновенно прикрыла рот рукой и взглянула на меня, как бы говоря одним взглядом: «я ничего об этом не знаю».

– Держалась на одном позвонке, врачи Юты, ее любовь и умопомрачительный минет с утра до ночи сотворили чудо, – игнорируя удивленный взгляд парня, бросил я, а затем, схватив Эванс за локоть, направился к машине Далтона.

– До встречи, Дейв, подбирай рубашку с матовыми пуговицами, это сделает твой внешний вид свежее, – успела она крикнуть ему, прежде чем я затолкнул ее на заднее сиденье машины и сел рядом.

– Поаккуратнее, не веди себя как первобытная скотина!

– У меня даже комбайна нет, – сказал я, когда машина тронулась. Барбара достала из сумочки зеркальце и принялась осматривать свое лицо.

– Купи, готова поспорить, ты потеряешь голову от радости.

Я расположил одну руку позади нее и навис над ней, мой нос находился в нескольких сантиметрах от ее щеки, но она старательно делала вид, будто меня не существует.

– Может, ты прекратишь придумывать истории о моей смерти? – спросил я, заглядывая в зеркальце, которое она держала перед лицом. Медленно, даже лениво, она взглянула на меня. Ее лицо оставалось непроницаемым, словно восковая маска, но глаза... Если бы одной силой мысли можно было убивать, я уже был бы мертв.

– Ничего не могу с собой поделаться, это так увлекательно, попробуй сам, – сказала она, захлопывая зеркальце. А затем, подобно великим философам, на ее лице отразилась гримаса задумчивости. – Он спал с ее лучшей подругой, но однажды ему придавило яйца дверью автомобиля.

Я поморщился, но не отодвинулся от нее, она повернула голову в мою сторону, ее губы оказались в сантиметрах от

моих губ. Барбара не ожидала этого, думала, я отодвинусь, но я не стал, и тогда вся ее уверенность рассыпалась на глазах. Она сглотнула и опустила взгляд на мои губы.

– Во-первых, от этого не умирают, во-вторых, слишком много внимания моим яйцам, в-третьих, тебя не касается то, с кем я сплю.

– Мне плевать с кем ты спишь, Фостер, меня задевает то, что я так ошиблась в Челси, – возмутилась она. Эванс ведь тоже могла отодвинуться, места на заднем сиденье полно, но вместо того, чтобы отстраниться, она вдруг провела языком по нижней губе. Я дольше положенного задержал взгляд на кончике ее языка и влажности на губах, которую он оставил, а затем, почувствовав очередной мини-взрыв где-то в районе ребер, отстранился.

Время шло, я пытался выпутаться из сети, в которую по глупости угодил в детстве, но как бы я ни старался, у меня не выходило, поэтому я мгновенно разозлился, главным образом на себя.

– Мы уходим от сути, Барбара. Я не хочу каждый вечер разгребать бардак устроенный тобой, – сказал я, чувствуя, как впервые за несколько лет мою грудную клетку сжимает от недостатка кислорода. Беспокойство во мне нарастало. Что если я снова совершу ошибку, что если она в очередной раз подчинит меня? Я не могу допустить этого.

– Ты знал, с кем связываешься, надеюсь, ты не думаешь забрать свое обещание обратно, ты ведь не хочешь быть пу-

стозвоном, Джеффри?

Нет, я не собирался забирать свое обещание, ведь это идет вразрез с моими планами.

– Ты упускаешь из внимания тот факт, что это ты в моей власти, а не я в твоей. Не думай выкинуть нечто подобное снова, – твердо сказал я, пересиливая эмоции, что одолели меня. – Хотя если тебе нравится играть с огнем – попробуй, ты ведь помнишь, что я могу подчинить любую лошадь, а с кобылицами еще проще...

Не успел я договорить, как почувствовал разливающуюся обжигающую боль на своей щеке, она ударила меня. Моя голова по инерции дернулась, но я даже бровью не повел. Хотя всего на секунду в моей голове появилась мысль о том, что бы сжать ее тонкую шею.

В голубых глазах на секунду показался страх, но она старательно упрятала его как можно дальше.

Эванс напоминала мне бабочку с оборванными крыльями, знает, что обречена, но продолжает упорно ползти черт знает куда.

– Скажи, что ожидал этого.

– Ожидал.

– И почему же не остановил?

– Решил дать тебе последнюю возможность почувствовать себя хозяйкой положения, ведь завтра я жду от тебя отдачи. Денники должны сиять от чистоты.

Барбара громко фыркнула, что, как я полагаю, было вы-

ражением категоричного несогласия.

– Я не буду работать в конюшне, я уже говорила.

– А я уже говорил, что у тебя нет выбора.

– Пока Челси будет делать вид, что она хозяйка?

Челси определенно была одной из причин головной боли Барбары и пока это продолжается, моя подружка будет поблизости, чтобы действовать на нервы вредной блондинке.

– Челси та, с кем я сплю, а ты та, кому по доброте душевной я решил оказать услугу, и ты будешь делать все, что я скажу, ясно, Барбара? – повышая голос, спросил я, замечая, что мы уже подъехали к дому.

Эванс долго смотрела на меня, раздувая свои маленькие ноздри от досады, затем забрала свою сумку и вылетела из машины.

Я смотрел ей вслед, с ужасом осознавая всю шаткость своего положения. В грязной одежде, которая нуждалась в том, чтобы ее сожгли, со спутанными волосами и пахнувшая затхлостью тюремной камеры, но я все равно хотел ее так, как не хотел ни одну другую.

– А она забавная, – поиграв бровями, выдал Далтон.

Наши взгляды встретились через зеркало заднего вида. Далтон был без ума от блондинок, но я не позволю ему даже дышать там, где дышит Эванс.

– Не вздумай, – прорычал я, прежде чем покинуть автомобиль.

Дьявол.

Этого не должно произойти. История не повторится.

Глава 11

Барбара

– У нас не было времени нормально познакомиться, Джонатан, верно? – спросила я, останавливаясь у черной ласточки, призванной возить до работы задницу Фостера. И на кой черт ему вообще водитель, он пытается во всем подражать своему покойному отцу?

Тонкие губы парня сложились в подобие улыбки, а карие глаза с любопытством прошлись по моей фигуре.

– Далтон, – поправил он, опираясь ягодицами на дверцу автомобиля.

Я знала, как его зовут, однако никак не могла простить ему грубого отношения в нашу первую встречу. И если вчера у меня не было свободной минутки поговорить с ним, то сейчас, пока он ждал «хозяина» дома, я могла на нем отыграться.

– Прости, обычно я не запоминаю имена обслуживающего персонала.

Мои слова никак не задели его, а наоборот, он коротко усмехнулся и кивнул.

– А ты вроде Эрин Сваровски, прости, у меня плохая память на глупые вымышленные имена.

– Не зови меня так! – Разозлившись, высказалась я, но осознав, что он поймал меня на мою же удочку, приказала

себе быть сдержаннее. – Какowo работать на дьявола?

– Думаю так же, как и спать с ним, – отозвался он, очевидно намекая на то, что я являюсь любовницей Джеффри, что было абсолютным бредом, ведь я не лягу с антихристом в постель даже за коллекцию солнцезащитных очков, а очки я любила. А еще я оценила дерзость водителя и решила ответить тем же.

– Значит для Фостера ты не только водитель?

– А тебя не подловить, уворачиваешься от каждого слова.

– Природный талант, – усмехнулась я, пожимая плечами и приближаясь к нему. Мое настроение было отвратительным, я проснулась рано, и мне предстояло все утро драить конюшню, вместо того, чтобы нежиться в теплой, хоть и неудобной кровати.

За спиной я услышала шаги и сразу поняла, кто именно походкой важной задницы приближался к машине. Я решила позволить себе небольшую шалость, погладила плечо Далтона и кокетливо склонила голову на бок.

– Если захочешь, я могла бы научить тебя, я весьма талантлива в... во многих вещах, которые ты найдешь заманчивыми для себя.

– Барбара, – раздался грубый властный голос за моей спиной. Уголки моих губ подпрыгнули в скромном подобии улыбки. Я медленно обернулась, встречаясь взглядом с посланником ада. Фостер был напряжен, и это не могло не радовать. – Почему еще не в конюшне? – Он кивнул Далтону,

и тот сел в автомобиль.

– Как раз направлялась туда, – дернув плечами, бросила я, и уже собиралась отправиться к конюшне, но он успел ухватить меня за локоть. Злость, исходившая от него, ощущалась на моей коже покалыванием, однако я наслаждалась каждой секундой этого состояния Фостера.

– Я вернусь рано и отправлюсь на прогулку с Рейджем, но перед этим лично проверю то, как ты выполнила свою работу. Поэтому позаботься о том, чтобы каждая лошадиная задница блестела от чистоты, – холодно процедил он, не сводя взгляда с моего лица и с отражающихся на нем эмоций – самой яркой из них было неистовое желание убивать. Его пальцы вдруг ослабли, и теперь он просто мягко держал меня за локоть, что ощущалась куда неприятнее, чем если бы Фостер с силой сжимал его, ведь от второго прикосновения я не чувствовала чуждого волнения за солнечным сплетением. Его взгляд вдруг замер на моих губах, прямо как вчера, когда нас разделяли решетки.

Этого мне еще не хватало!

После секундного замешательства я скинула его руку со своего локтя и, не проронив больше ни слова, направилась к конюшне. Я не оборачивалась, даже когда вышла за пределы двора, и только по визгу шин поняла, что Фостер с водителем убрались с территории поместья.

После утренней уборки конюшни я едва с ног не валилась. Каждый сантиметр моего тела болел, горло пересохло, виски пульсировали, а мышцы были словно камень. Мои щеки и лоб нагрелись так сильно, что могли вполне сойти за еще один альтернативный источник энергии.

Мне пришлось переодеться в старую одежду для занятий верховой ездой, ведь убирать конюшню мне попросту было не в чем. Волосы я завернула в высокий пучок.

Были во всей этой ситуации и плюсы, я была куда чище, чем пару дней назад, когда вломилаь в конюшню – кстати об этом, дверь починили на следующий день – кроме того со мной рядом были лошади, а они уж точно куда приятнее людей.

– Барбара, у тебя впереди еще работа, – сказал Джуд, заходя в денник Герцогини, который я только что привела в порядок. Именно в этом укромном местечке я мечтала отсидеться, но чертов конюх навис надо мной словно надзиратель. Он даже не пытался скрывать, как ликовал, глядя на то, в каком положении я оказалась. Мы никогда не могли найти с ним общий язык, Джуд был ленивым, и я часто упрекала его в том, что он плохо выполняет свои обязанности, неудивительно, что теперь с его лица не сходит эта проклятая улыбка.

Я сидела на стогe свежего сена и недовольно смотрела на

Джуда. Жаль Герцогиня была в леваде¹², наверняка моя девочка поддержала бы меня и лягнула бы конюха.

Он все еще работал в этой конюшне. Либо кроме этого Джуд ничего больше не умел, либо лошади были его единственной любовью и страстью, лично я ставлю на первое.

Пять лет практически никак не отразились на нем, Джуд немного пополнил, отрастил щетину, однако так и не избавился от ремня с огромной пряжкой, уродливых клетчатых рубашек и шляпы. Все так же является поклонником Блейка Шелтона¹³. Я ничего не имею против Шелтона, все-таки он женат на Гвен¹⁴, а Гвен самая настоящая икона стиля.

Был в конюшне еще один конюх по имени Бо – парнишка лет двадцати, но большую часть времени он молчал и смущенно отводил взгляд. Поэтому я даже спросить у него ничего не могла, стоило мне подойти, он терялся в пространстве и времени.

– Я уже убрала денники, – фыркнула я, складывая руки на груди.

– Только тот, что принадлежит Герцогине.

Я вскочила на ноги, одаривая его взглядом из разряда тех, что призваны превращать в пепел.

– Я все утро убираюсь!

¹² Левада (паддок) – загон для выгула лошадей.

¹³ Блейк Шелтон – американский кантри-певец.

¹⁴ Гвен Стефани – американская певица, автор песен, актриса, продюсер и дизайнер. Солистка и сооснователь музыкальной группы No Doubt.

– Только один час, – парировал конюх.

– Но сейчас двенадцать!

– Да, но ты пришла в одиннадцать, а должна была в семь. –

На его слова я лишь закатила глаза, он мне не начальник.

Ну да, я сказала, что проснулась рано, но понятие того, что рано, а что нет для каждого свое.

– Ладно, – вздохнула я. – Но спрячь свою садистскую ухмылку, Джуд. Как только я верну себе свое наследство, я куплю конюшню у Фостера, а тебя уволю.

Конюх сначала удивленно вскинул брови, а затем рассмеялся. Медленно надвигаясь на меня, он стал щелкать пальцами, будто наигрывал какую-то мелодию. Я готова поставить свои волосы, на то, что это одна из мелодий кантри. Набойки его ковбойских сапог стучали о каменную кладку пола, от каждого твердого шага дребезжала металлическая пряжка на его ремне.

Только сейчас я осознала, что он гораздо больше меня, в купе с его недобрим взглядом это пустило волну страха по моему позвоночнику.

– Помимо патологической лени у тебя еще и с головой, кажется, проблемы, – резко сказала я, шагая назад до тех пор, пока не столкнулась спиной со стеной денника.

– Думаешь, Фостер сдержит свое обещание? Он ведь ненавидит тебя, ставлю доллар на то, что он просто решил поиздеваться над тобой.

– Думай, что хочешь, если ты вообще умеешь это делать, –

бросила я, глядя на него снизу-вверх. Он подошел ко мне совсем вплотную, настолько близко, что я чувствовала неприятный запах его пота и травки. Его глаза были покрасневшими, ведь Джуд все еще покурил марихуану, хотя на работе это делать запрещалось, более того, это запрещалось делать в нашем штате, за исключением медицинских случаев, но сомневаюсь, что умственную отсталость лечат травкой.

– Мне никогда не нравился твой дерзкий язычок, знаешь, сколько раз я мечтал поставить тебя на место? Может сделать это прямо сейчас? – спросил он, протягивая свою грязную руку в попытке коснуться моего лица, но я успела вовремя ударить его. – Что скажешь, Барбара, я достаточно хорош, чтобы трахнуть дочку бывшего босса?

Моя шея покрылась колючими мурашками, но я старалась не показывать ему, что он смог испугать меня.

– Ты недостаточно хорош даже для того, чтобы целовать землю, по которой я ходила, – прорычала я, отталкивая его. Джуд сально усмехнулся.

– Подождем. Через месяц ты запоешь по-другому.

– Можешь уже сейчас сколотить себе гроб, лечь в него и закрыться изнутри, потому что ты помрешь раньше, чем дождешься. И держись на расстоянии, выкинешь подобное еще раз, и я сообщу об этом Фостеру.

В его глазах промелькнула искра страха, но внешне он выглядел вполне уверенно.

– Ему плевать на тебя, ты еще не поняла? – усмехнулся

Джуд, медленно покидая денник Герцогини.

Черт. А ведь он был прав. Раньше Джеффри делал все, только бы я поверила в то, что у него есть чувства, сейчас ему незачем делать это. Он ведь просто хотел отомстить моему отцу, а теперь только порадуется, если я окажусь в самом ужасном положении.

Я тяжело вздохнула и отправилась убирать остальные денники. Мой рабочий день кончился только в обед, и я сама так решила, потому что Фостер все равно не мог это проконтролировать. Я приняла душ и ушла в столовую. Желудок просто сворачивало от голода. Но стоило мне заметить бывшую подругу, сидящую за барным островом, аппетит пропал сразу же.

Сегодня она не ночевала в особняке Фостеров. На самом деле я надеялась, что она больше не появится здесь, но чертова змея разрушила все мои надежды.

Я не могла спокойно смотреть на нее. Каждая клеточка моего тела сжималась от ярости и негодования, ведь из всех возможных вариантов Фостер выбрал именно ее – мою бывшую лучшую подругу. Почему она? В прошлом он стоически игнорировал оказываемые ею знаки внимания, а теперь позволяет ей спать в его постели. Я пыталась убедить себя, что мне нет до этого совершенно никакого дела, но тщетно. Я ненавидела Челси и ненавидела Джеффри, но больше всего ненавидела то, что они вместе.

Но черта с два я покажу, как меня заботят их отношения,

поэтому нацепив на лицо маску полного безразличия, я обошла барный остров и заговорила с кухаркой – Пенелопой. Кухарка Фостеров работала на них уже более десяти лет, я была несказанно рада, когда увидела, что даже после того, как особняк оказался в руках у Джеффри, домашний персонал Фостеров не поменялся. Это давало мне некую дозу спокойствия и обыденности.

Перекинувшись парочкой слов с Пен, я взяла предлагаемую мне картофельную запеканку и села за барный остров, прямо напротив Челси. Я чувствовала на себе ее внимательный, изучающий взгляд, но игнорировала его. Все, чего я хотела, так это съесть порцию запеканки, ну и забыть в каком дерьме я очутилась.

– Ты не удивилась, когда увидела меня рядом с ним, – спустя пару минут сказала Челси. Меня разозлил сам факт того, что она посмела разговаривать со мной после предательства, поэтому со всей силы воткнув вилку в запеканку – пусть скажет спасибо, что не в ее глаз – я заставила себя взглянуть на предательницу.

– Потому что это и не было удивительным. – Перед Челси лежали бумаги – что-то важное, судя по тому, с какой осторожностью она с ними обращалась. – Ты ведь вешалась на него при любом удобном случае. Жалкое зрелище.

Пенелопа поставила передо мной графин с вишневым соком. Я немного отодвинула его в сторону, чтобы видеть покрасневшее от недовольства лицо Челси, которому в цвете

проигрывал даже сок.

– Жалкое зрелище? Посмотрим правде в глаза, я его настоящая девушка!

Я закинула кусочек запеканки в рот и кивнула.

– Сочувствую.

Она не была его девушкой, она была одной из его *девочек*, это огромная разница.

– И это все что ты скажешь? – изгибая одну бровь, и ожидая того, что от ее слов я взорвусь, спросила она.

Я вздохнула, наполняя свой стакан соком.

– Сочувствую от всего сердца. Быть подстилкой Джеффри, что может быть хуже? Смотреть, как он ежедневно вытирает о тебя ноги, видеть, как он трахает других. Не думаю, что это может быть чьей-то мечтой.

– Он не трахает других! – воскликнула Челси. Она пыталась казаться такой сильной, но вся растерянность и уязвимость читалась на ее лице так же легко как книжки для пятилеток. Она знала, что он спал с другими, знала, что она всего лишь одна из сотен таких же наивных, страдала из-за этого, но, тем не менее, не уходила от него. Она была влюблена в Джеффри Фостера, и я не удивлюсь, если она так же сильно влюблена в его деньги.

Вырваться из бедности в ледяной дворец на холме, и плевать, что стены здесь холодные, неважно, что с потолка свисают сосульки, а хозяин дома не умеет улыбаться, главное ее мечты о счастливом будущем и грезы, что ее любовь расто-

пит ледяное сердце. Но этого не будет, Челси замерзнет раньше, чем хоть одна талая капля упадет с потолка. Ей никогда не стать миссис Фостер. Джеффри не нуждается в семейном тепле, потому что он никогда не знал его.

– И к твоему сведению он обожает секс со мной!

Я прожевала последний кусочек запеканки и отодвинула от себя тарелку. Мои губы скривились, а комок тошноты подступил к горлу.

Пенелопа ушла, видимо, испугавшись назревающей перепалки.

– Я не сужу людей за их извращенные предпочтения в постели, – бросила я и поспешила убрать за собой тарелку и стакан из-под сока, а когда обернулась, заметила рядом Челси.

И как она так тихо подкралась?

– Я не знаю, зачем ты здесь, ты не появлялась пять лет, а сейчас свалилась на наши головы как град размером с геморрой моего дяди Фредди, – угрожающе сузив глаза, сказала она. Челси и так была выше меня, а сейчас, когда на мне были не излюбленные туфли на высоких каблуках, а обычные пушистые тапочки, что я надела после душа, я и вовсе смотрелась рядом с ней гномом.

– Даже не буду спрашивать, откуда ты знаешь о размерах геморроя твоего дяди Фредди, – усмехнулась я, складывая руки на груди. – Если ты не заметила, у меня умер отец.

– О котором ты даже не вспоминала, – ответила Челси,

повторяя мой жест и опираясь бедром о кухонную тумбу. – Мой тебе совет, проваливай пока цела.

Я запрокинула голову и громко рассмеялась. Эта сучка вздумала мне указывать?

– Ох, ты угрожаешь мне?

– Совет от подруги.

– Ты давно перестала быть моей подругой. Боишься, что Джеффри не устоит? Обещаю, что позабочусь о нем после свадьбы. – Я коснулась кончиками пальцев своей ключицы и, не отрывая взгляда от багровеющего в приступе ярости лица Челси, двинулась пальцами вниз, останавливаясь у краешка шелкового халата на мне. – Это все-таки мой супружеский долг. – Я подмигнула, с удовольствием глядя на то, как плечи Челси подскочили в негодовании. Я ни за что не лягу в постель с Фостером, но осадить его подружку, которая вздумала мне угрожать, было моей обязанностью.

Я тихо засмеялась, развернулась, чтобы уйти в свою комнату, но почувствовала, как что-то холодное падает на мою макушку. Мое лицо заливало какой-то жидкостью, глаза защищало и только когда капли достигли моего рта, я поняла, что это был вишневый сок.

Чертова сука вылила на меня целый графин вишневого сока!

– Какого черта? – Я схватила со стола бумажные полотенца и принялась вытирать остатки сока со своего лица, шеи и груди, но к сожалению, бумажные полотенца просто не спо-

собны были исправить это.

– Ты слишком громко расщебеталась, я подумала, что тебе следует немного охладиться, – заявила она.

Я смяла полотенца в комок и швырнула их в Челси, та увернулась и надменно расправила плечи. Она была так довольна собой, что едва не светилась от счастья, как садовый фонарь. Надеюсь, к ее заднице прилипнет как можно больше мух, ведь она этого достойна.

– Думаешь, ты выступишь в этой войне? – вскидывая правую бровь, спросила я.

– Думаю, я лично снесу твою голову с плеч, – приблизившись ко мне, сказала Челси. – Я не дам отнять тебе у меня мою жизнь, поэтому проваливай из города, пока жива, Барбара.

Я бросила короткий взгляд на документы Челси и стоящую рядом с ними кружку с чаем. И глядя прямо в глаза бывшей подруги, я толкнула эту кружку, чай залил все листы с печатным текстом. Глаза Челси едва не повылезали из орбит, она вскрикнула, бросаясь к бумагам в попытке спасти их, но все было тщетно. Буквы расплывались, бумага размокла. Что бы это ни было, оно теперь испорчено.

– Что ты натворила, это очень важные документы!?

– Были, – добавила я. – В следующий раз ты хорошо подумай, прежде чем угрожать мне. – И с этими словами я покинула кухню. Первой моей мыслью было сообщить об этом инциденте Джеффри, мое подсознание надеялось, что

он именно тот, кто поможет мне, кто защитит меня от всего мира. Но мое подсознание было глупышкой. И почему я все еще цепляюсь за прошлое? Почему пытаюсь отыскать в своем мучителе свет, если в его владениях всегда была одна лишь тьма?

Глава 12

Барбара

– Попала в тюрьму, встретила придурка бывшего и должна вступить в фиктивный брак, Барбара Эванс определенно умеет развлекаться, – усмехнулась Джоанна – моя лучшая подруга, пока мы разговаривали с ней по телефону.

Я не смогла вынести это в одиночку.

Иисусе.

И ведь не собиралась рассказывать ей, но оказалось, что мне попросту не с кем поговорить обо всем этом.

– Не смешно, – фыркнула я. – Это отвратительное завещание, словно кость поперек горла!

– Я всегда знала, что ты скрываешь много фактов о своем прошлом, ты рассказывала лишь о проблемах с отцом, но ни разу не обмолвилась о своем бывшем.

– Потому что я ничего не помнила, ну, знаешь, мозг вытесняет все неприятные воспоминания или подменяет их более приятными, в моих воспоминаниях Джеффри Фостер разогнал свою тачку до предела и вылетел с дороги. Обрыв, смерть, его собирали по частям. Занимательный был пазл. Конец истории.

Смех на том конце линии ясно дал мне понять, что Джоанна не воспринимает эту историю столь же серьезно как я. И неудивительно, ведь моя подруга никогда не встречала Фо-

стера, вообще-то она не встречала никого из моего прошлого, разве что кузину Саванну, которая любила отираться на всех элитных вечеринках страны. Я не рассказывала о Мейсоне, об их семье, не припомню даже, чтобы упоминала, что компания принадлежит двум семьям, а не одной. Мое прошлое было черной дырой, и я не хотела, чтобы меня снова затянуло туда. Вообще после травмирующих событий пятилетней давности я поняла одну важную вещь: чем меньше рассказываешь людям о себе, тем ниже вероятность того, что впоследствии им будет, что использовать против тебя.

Да и в настоящем телефонном разговоре я выдала лишь суть, никаких деталей, строго по пунктам: придурок бывший; завещание; свадьба с придурком бывшим; на этом все. И так достаточно унижительных для меня фактов, подкидывать еще и рассказывать о том, что он изводит меня, я не собиралась. Для Джоанны все выглядит как вполне обычная сделка, поэтому ей не о чем переживать.

Меньше всего я говорила об отце, ведь каждый раз, стоило мне вспомнить об этом, меня совершенно странным образом прошибала мелкая дрожь, а горло будто заливали свинцом. Я больше не лила слезы, но чувствовала эту потерю всем своим телом. Поэтому я старалась забыть об этом, хотя бы на время перестать о нем думать, но даже если мыслями мне и удавалось отвлечься, мое тело все помнило. Удавка на моем горле была постоянно, и неважно, вспоминаю я о своей утрате или нет. Это нервное, возможно мне даже придется

обратиться к врачу, но не думаю, что он решит эту проблему, отца ведь не воскресить.

– И какой он? – Голос Джоанны вернул меня в реальность. Она спрашивает о Фостере.

– Наглый и бестактный, временами угрюмый и устрашающий, в целом я могу сравнить его с неандертальцем.

– Нет, я спрашиваю, как он выглядит.

– Мой ответ не изменится, – усмехнулась я. И сразу представила Фостера. Что подруга хотела от меня услышать, что он невероятно привлекателен и сексуален? Я не могла этого ответить, ведь я больше так не считала.

Лгунья.

– Но если тебе нужны детали, то он полный и лысеющий карлик с Комплексом Наполеона. Белые волосы растут только с одной стороны его головы, поэтому он постоянно зачесывает их на бок.

– Как Дональд Трамп?

– Как Дональд Трамп в двадцать семь.

Мои слова определенно смутили Джоанну.

– Должно быть он очарователен.

– Как раздавленный ботинком таракан.

– Харизматичен?

– Не больше коровьей лепешки.

– При всем твоём описании... симпатичный?

– Как тот костюм от «Диор» из позапрошлой коллекции.

– Синий?

– Серый.

– Оу, – фыркнула подруга, наверняка скривив при этом губы в отвращении.

– Да.

– Так он что-то вроде двадцатисемилетней пародии на Дональда Трампа, чье очарование равно очарованию таракана, раздавленного ботинком, харизма королевой лепешке, а внешне он выглядит так, что тошнота к горлу подкатывает?

– И это я еще приукрасила, – кивнула я, растягивая губы в улыбке.

– И ты с ним встречалась?

Я задумалась на секунду.

Надо же, Барбара, сама себя дискредитировала.

– Пять лет назад он был другим. Ослепительно красив, не то, что сейчас.

– Но волосы.

– Облысел.

– Вес, – заикнулась подруга, но я и тут опередила ее.

– Потолстел.

– Но как же? А рост...

– Стоптался, Джоанна, хватит задавать мне столько вопросов.

Пять лет назад он был чертовым Мистером Вселенная, а сейчас не было такого конкурса, в котором он мог бы участвовать, ведь остальные парни планеты ему в подметки не годились.

– Интересный апгрейд за пять лет.

– Время не щадит никого.

– Послушай, я понимаю, что возможно это не мое дело, но если тебе потребуется моя помощь, ты всегда можешь сказать об этом. Если захочешь вернуться в Нью-Йорк, в любой момент моя пустующая квартира станет твоей. Я готова дать тебе столько денег, сколько потребуется, и ты вернешь их тогда, когда будешь готова.

– Смеешься? И остаться без наследства? Нетушки! Это дело принципа, я не готова расстаться с тем, что принадлежит мне, кроме того у меня уже готова многоступенчатая стратегия убийства..., – я запнулась, – в общем у меня все под контролем.

– Барбара...

– Этот вопрос закрыт.

Джоанна замолчала всего на секунду, а затем я услышала ее смешок.

– У тебя есть план, не так ли?

– Есть целая упаковка планов.

– Я не сомневалась. А ты собираешься пригласить меня на свадьбу?

– Не будет никакой свадьбы! Все будет тихо и без свидетелей, по-деловому, – фыркнула я. – А теперь я хочу знать, что нового у тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.